

БИБЛИОТЕЧКА ЖУРНАЛА

1/42/1987

СОВЕТСКАЯ МИЛИЦИЯ

*Анатолий Безуглов,
Юрий Кларов*

КОНЕЦ ХИТРОВА РЫНКА

ТРЕТЬЮ медаль «За отвагу на пожаре» получил старший сержант С. Деревянко из Харькова. Первая отважному пожарному была вручена несколько лет назад за решительные действия

при коллективном тушении огненного фонтана на одной из газовых скважин месторождения. А вот два других случая потребовали от старшего сержанта особенного мужества и смелости. В обоих случаях Сергей спасал детей из горящих домов... Загорелся дом по улице 23 Августа в Харькове. Пожарные энергично принялись тушить огонь. В это время раздался женский крик со двора: «Там остался ребенок!» Сергей прыгнул с пожарной лестницы, бросился в объятый пламенем дом. В густом дыму квартиры поиски пришлось вести вслепую. Задыхаясь от дыма, Деревянко наткнулся наконец на детскую кроватку. Схватив потерявшую сознание девочку и прикрыв ее курткой, пожарный вынес ее на улицу. Ребенок был спасен. А на груди отважного старшего сержанта сверкают по праздникам три медали — символы его храбрости.

ПО ЗАКОНАМ МУЖЕСТВА

1/42/1987

БИБЛИОТЕЧКА
ЖУРНАЛА
«СОВЕТСКАЯ
МИЛИЦИЯ»

*Анатолий Безуглов,
Юрий Кларов*

КОНЕЦ ХИТРОВА РЫНКА

П О В Е С Т Ь

Москва, 1987

Главный редактор **Н. Ф. Сальников.**
Редактор выпуска **В. М. Панченко.**
Художник **Н. С. Михайлов.**
Художественный редактор **В. Н. Ступин.**
Технический редактор **О. С. Пронькина.**
Корректор **Т. Г. Баканова.**

Библиотечка журнала
«Советская милиция», 1987 г.

*Анатолий Безуглов,
Юрий Кларов*

КОНЕЦ ХИТРОВА РЫНКА*

П О В Е С Т Ь

***** I

ОКТАБРЬСКУЮ революцию я встретил гимназистом выпускного класса Шелапутинской гимназии. Я готовился к поступлению на филологический факультет, но филологом я не стал, а гимназию так и не окончил.

В тот день первым должен был быть урок французского языка. Но неожиданно вместо мосье Боруа в дверях появилась тощая фигура директора гимназии Шведова.

Класс неохотно встал.

— Садитесь, господа, садитесь! — махнул рукой Шведов и с обычной кислой улыбкой, за которую его прозвали Лимоном, стал вглядываться в настороженные лица гимназистов. По тому, как Лимон вертит в руках взятый со стола кусочек мела, видно было, что он волнуется.

— Господа! — торжественно начал он. — По поручению педагогического совета я уполномочен сделать вам важное сообщение...

— Тоже испугал! — пробасил Мухин, здоровенный детина, уже второй год отбывавший повинность в восьмом классе, поглядывая маленькими смешливыми глазами на директора. — По мне хоть всю жизнь бастуйте!

— Ура! Да здравствует вечная забастовка! — неожиданно заорал его сосед, и весь класс задрожал от хохота.

Ошеломленного директора проводили криком и улюлюканьем. Кто, подвывая, отбивал кулаками на парте «Цыпленка жареного, цыпленка пареного, который тоже хочет жить», кто хрюкал, а кто от избытка восторга просто стучал ногами по полу.

В дверях показалось испуганное лицо классного надзирателя и сразу же исчезло.

Так эта новость была встречена почти во всех классах. Последние месяцы жизнь гимназии все равно шла кувырком. Преподаватели опаздывали на уроки и ничего не

* Журнальный вариант.

задавали на дом. Старшеклассникам было не до занятий: они беспрерывно бегали с одного митинга на другой или до хрипоты спорили в различных кружках и клубах, недостатка в которых не было. Союзы, группы, общества и объединения возникали как грибы после дождя. Существовали «Союз учащейся молодежи», «Общество нанимателей комнат, углов и коек», «Группа обывателей Хамовнического района», «Союз домовладельцев», «Союз киновладельцев», «Объединение дворников и домашней прислуги».

Наша гимназия тоже не отставала. Помимо совета гимназии у нас был совет учащихся старших классов, совет учащихся младших классов и многочисленные «политические фракции»: большевиков, кадетов, эсеров, анархистов и, наконец, монархистов, в которую входили только двое — франтоватый Николай Пилецкий и его друг Разумовский, дегенеративный парень с красной физиономией, усыпанной угрями.

Каждая фракция требовала себе мест в гимназических советах. Иногда накал политических страстей доходил до потасовок, во время которых больше всего, разумеется, доставалось самой малочисленной фракции — монархистам. Пилецкий и Разумовский постоянно ходили с синяками и перед самой забастовкой преподавателей смалодушничали — подали заявление о приеме во фракцию кадетов. Особенно терроризировал педагогов совет гимназии, который предъявлял им самые жесткие требования. Одним из них было — ставить в балльниках двойки и единицы только с санкции совета. Членов совета к доске не вызывали: преподаватели прекрасно понимали, что заниматься наукой у них просто нет времени.

Какая уж тут учеба!

Жил я тогда в Мыльниковом переулке в большой неуютной квартире, совершенно один. Отец, уважаемый в районе врач, умер три месяца назад, а старшая сестра Вера, выйдя замуж, уехала в Ростов, поручив меня своей приятельнице Нине Георгиевне, женщине лет сорока, толстой, расплывшейся, с большими добрыми глазами, которая, добросовестно выполняя взятые на себя обязанности, бывала у меня не реже двух раз в неделю. Эти визиты были до предела нудными.

Я ничего не имел против Нины Георгиевны, но все-таки к ее приходу всегда старался улизнуть на улицу. И часами бродил по городу, который выглядел каким-то непривычным, помолодевшим. А потом, когда ноги начинали гудеть от усталости и рот наполнялся голодной слюной, я возвращался к себе, ел, листал первую попавшуюся на глаза книгу и снова уходил, для чего-то тщательно запирая входную дверь. Меня завораживала гулкая жизнь улиц, ее лихорадочный ритм.

В тот день мне почему-то особенно не хотелось возвращаться домой. И, побродив вдоволь по Тверской, я свернул на Скобелевскую площадь. Здесь митинговали. Прилично одетый господин, вскарабкавшись на постамент, что-то громко говорил, оживленно жестикулируя, стараясь перекричать разношерстную толпу. Тут же красноносая толстуха в ватнике бойко продавала жареные семечки, одновременно кокетничая с одноруким солдатом. Гонялись друг за другом оборванные мальчишки с красными бантами на картузах. Не обращая ни на что внимания, крутил ручку шарманки горбатый старичок.

Красные, черные, белые, зеленые буквы извещали: «Казино «Рома», Тверская, 35, против Филиппова. Исключительный боевик. Сенсационная картина «Николай II». Народная трагедия в 5 частях. В фойе — концерт Гала. Бесперывные увеселения от 7 до 11 часов ве-

чера», «Ханжонков. Жемчужина сезона. Боевик. «Сказка любви дорогой. Молчи, грусть, молчи!» С участием королей экрана: Веры Холодной, Максимов, Полонского и Руница».

Колебался я недолго и, сжав в кармане рубль, отправился в казино «Рома». «Сенсационную картину «Николай II» посмотреть стоило.

В фойе театра, несмотря на предупреждающие надписи, было сильно накурено. Респектабельные котелки соседствовали с голубоватыми студенческими фуражками, солдатские папахи — с дамскими шляпками. После первого звонка я прошел в зал. Сзади меня приглушенно спорили парни в кепках, низко сдвинутых на глаза. Некоторых из них я видел у нас в гимназии, они приходили на заседание секции анархистов, кажется, из группы «Ураган».

Одна за другой лампочки в зале начали гаснуть. Пианист заиграл марш. На экране показался царь, рядом с ним шли какие-то дамы. И вдруг свет снова вспыхнул. На авансцене стоял плечистый человек в ватнике. Он зычно выкрикнул:

— Граждане и товарищи! Попрошу приготовить документы. Проверка.

Публика недовольно зашумела.

— Ищут кого-то, — догадалась пышная дама в ротонде.

К выходу, работая локтями, пробирались анархисты. Один из них сильно толкнул меня.

— Поосторожней нельзя?

Он даже не обернулся.

— Не видишь, что ли? Пропускай! — крикнул анархист с выпущенным из-под кепки пшеничным чубом молоденькому красногвардейцу.

— Предъявите документы.

— Какие еще документы? — огрызнулся тот.

— Документы! — строго повторил красногвардеец, преграждая проход винтовкой.

— Ты что, гад, измышляешь вздумал?! Прочь! — заорал чубатый, бешено выкатив глаза. — Прочь, говорю!

Засунув руку в оттопыривающийся карман, он прямо пошел на красногвардейца. Жест чубатого не остался незамеченным. Дама в ротонде взвизгнула. Публика шарахнулась в сторону. Кто-то крикнул:

— У него оружие!

В ту же секунду парень в кожанке, вынырнувший из-за спины красногвардейца, вырвал руку чубатого из кармана и резко вывернул ее за спину.

— Хорошенько обыщите. По-моему, он...

Я не удержался и крикнул:

— Виктор! Сухоруков!

Парень в кожанке обернулся, махнул мне рукой.

Виктор учился в нашей гимназии. Но, когда его отца мобилизовали в армию, ушел на завод. Ко мне он относился покровительственно, и не только потому, что был старше. Он считал меня папенькиным сыном, который еще не знает, почем фунт лиха.

Чубатого обыскали.

— Он самый, — сказал пожилой красногвардеец, бегло просматривая содержимое бумажника задержанного, и обернулся к анархистам, которые громко ругались, но, понимая, что сила не на их стороне, в происходящее не вмешивались: — Что ж вы, товарищи, уголовную шпану покрываете?

— Мы птицы вольные, к нам летят все, кому среди вас тесно! — буркнул кто-то из анархистов, и они, не оборачиваясь, начали спускаться по лестнице.

— Граждане! — крикнул человек в ватнике. — Попрошу без паники. Кого нужно, мы нашли. Это, ежели хотите знать, крупный и зловредный бандит, грабивший трудовой народ. Так что попрошу граждан и товарищей спокойненько занимать свои места.

«Граждане и товарищи» начали шумно рассаживаться.

— Я только взглянула, сразу же поняла, что это бандит, — радостно говорила дама в ротонде своему спутнику, чем-то похожему на Дон-Кихота. — Вы, Николай Иванович, на всякий случай бумажник проверьте: он за вами сидел.

Когда бандита, подталкивая в спину, вывели, я подошел к Сухорукову.

— Послушай, здесь мы не поговорим, некогда. Заходи лучше ко мне завтра к концу дня. Я теперь в уголовном розыске работаю.

— Полицейским заделался?

— Именно. А что, не нравится? — Он дернул меня за надорванный козырек фуражки (в гимназии надорванный козырек считался шиком) и уже на ходу бросил: — До завтра.

***** ||

НАЙТИ Сухорукова оказалось не так-то просто. В кабинете дежурного уголовного розыска томились несколько человек. Дежурный, молодой человек с черными подбритыми усиками и бачками, устало морщил низкий лоб.

— Минуточку, мадам, минуточку, — слезливым голосом уговаривал он шумливую, напористую бабу в белом шерстяном платке. — Не надо волноваться. Давайте разберемся. Ничего страшного не произошло — рядовой, ординарный грабеж. У нас ежесуточно регистрируют сотни подобных происшествий.

Но на женщину это утешительное сообщение никакого впечатления не произвело.

— А по мне хоть тыщи происшествий! — кричала она в лицо дежурному, который мученически морщился. — Вы мне лучше скажите, господин хороший, кто мою шубу носит? Кто мои сиротские деньги по кабакам пропивает? Ага, молчите? Почему мазурики по сей день не арестованы?

— Потому что их пока не нашли, — с подкупающей откровенностью объяснил дежурный.

— Не нашли, стало быть? — задергала головой баба. — А чего же я вам за вашего кобеля — Треф, что ли? — пятьдесят целковых отдала? «Найдем, отыщем, будьте спокойны», — передразнила она кого-то. — Черта лысого нашли! Платила я за сыскную собаку?

— Да, за использование сыскной собаки-ищейки вы платили, — согласился дежурный.

— А толку? Это как понимать? Там мазурики облегчают, тут — полицейские. Это кто же разрешил трудовой народ с двух концов грабить? Свобода сейчас или не свобода?

Я вышел в коридор. По лестнице спускался красногвардеец.

— Где можно найти товарища Сухорукова?

— Да я не из тутошних, — ответил он. — Вы в дежурку зайдите, там скажут.

Но в дежурную комнату возвращаться мне не хотелось. Я ткнулся в первую попавшуюся дверь, и меня оглушил пулеметный стрекот машинок.

— Господин гимназист, сюда нельзя, — обернулся сидевший спиной к двери писарь с выложенным на лбу локоном. — Посетителей принимают внизу.

— Мне нужен Сухоруков.

— Сухоруков? — писарь выпятил нижнюю губу. — А где он числится? Есть у нас, к примеру, статистический отдел, счетный стол при водов, хозяйственная часть, отдел розыска... Много чего есть. — Он торжествуя посмотрел на меня, получая видимое удовольствие от сложности структуры учреждения, в котором он работает.

Обойдя еще несколько комнат и уже потеряв всякую надежду разыскать Виктора, я носом к носу столкнулся с ним в коридоре.

Кабинет Сухорукова оказался небольшой комнаткой, вернее частью комнаты, перегороденной деревянной стенкой.

— Ну, что собираешься делать?

С таким же успехом этот вопрос я мог задать сам себе. Действительно, что я собираюсь делать?

— Возьми листок бумаги и ручку.

Еще не понимая, чего он хочет, я подо avvicinил к себе стопку бумаги.

— Пиши: «Начальнику уголовно-розыскного подотдела административного отдела Московского Совета от гражданина Белецкого Александра Семеновича. Прошение. Прошу зачислить меня на одно из вакантных мест при вверенной Вам милиции».

Я отложил в сторону ручку.

— Ну, знаешь, ты сегодня что-то слишком весело настроен. Шутки шутками, но...

— А я не шучу, — сказал Виктор.

Несколько секунд я изумленно смотрел на серьезное, густо перпенное веснушками лицо приятеля.

— Нет, ты серьезно?

— Вполне. Нам нужны люди. А парень ты честный, член «большевистской фракции» (губы Виктора задрожали в сдерживаемой улыбке). Знаю я тебя не первый год, и отец у тебя был хорошим стариком.

— Но ведь я ни черта не понимаю в... — я чуть было не сказал «в полицейском деле», но вовремя спохватился. — Я ведь ничего не понимаю в этом деле.

— Научишься. Главное — желание. Не боги горшки обжигают.

Кем я только не мечтал быть в раннем детстве! И трубочистом, и водолазом, и кондуктором. Но даже тогда мне не приходило в голову, что я могу стать сыщиком. Во втором и третьем классе, правда, как и все мои сверстники, я зачитывался похождениями Шерлока Холмса и Рокомболя, и вдруг совершенно, казалось, забытое и давно похороненное где-то в дальнем уголке сознания вновь ожило и обернулось реальностью.

— Ну как? Едешь в Ростов или остаешься? — спросил Виктор, наблюдая за выражением моего лица.

— Какой уж тут Ростов! — махнул я рукой. — Что еще нужно?

Тут же я заполнил и анкету. Впрочем, слово «анкета» в обиход тогда еще не вошло. При царе существовал «формулярный список», а Временное правительство ввело «опросный лист», которым и пользовались пока во всех учреждениях. Он был составлен по лучшим образцам западной демократии, но с учетом русских особенностей. Поэтому в нем

на всякий случай стояли помимо других и такие щекотливые вопросы, как сословие и вероисповедание, но зато в скобках указывалось: «Заполняется по желанию». Опросный лист заканчивался знаменательной фразой: «Правильность показанных в настоящем опросном листе сведений о моей личности подтверждаю честным словом». Вот она, новая, демократическая Россия!

Затем мы вместе с Виктором пошли к начальнику отдела личного состава Груздь. Он оказался матросом. Груздь восседал за громоздким двухтумбовым столом, на котором рядом с письменным прибором из розового мрамора возвышались буханка ржаного хлеба и вместительная жестяная кружка с чаем. На сейфах валялись в художественном беспорядке шинель, бушлат, бомбы, рваная тельняшка и пара сапог. Носок одного из них был грозно разинут, и в его темной пасти поблескивали зубами сказочного дракона гвозди. Увидев Виктора, матрос отложил толстый карандаш, которым, как я успел заметить, рисовал на бумаге, покрывающей стол, чертиков, и грузно встал.

— Здоров! Закурить есть? — спросил он Виктора и безразлично поморщился, когда тот достал пачку папирос. — Нет, я только махру признаю... Красота? — кивнул Груздь на стену, где из массивной позолоченной рамки кокетливо смотрела жеманная красавица в наглухо закрытом черном платье. — Одежду я сам дорисовал, — похвастался он, — а то она почти что голая была. — И пояснил: — Буржуазия, она приличнее не соблюдает... Из буржуев? — На этот раз вопрос был адресован мне.

— Нет, — ответил за меня Виктор. — Вот его опросный лист.

— Давай, давай.

Водя по строчкам пожелтевшим от махорки пальцем, Груздь внимательно прочел анкету и, видимо, остался доволен.

— То, что ты интеллигент, это, конечно, арифметический минус, — сказал он. — Но это от тебя не зависит. Если бы мой батька был не крестьянином, а инженером, я бы тоже стал интеллигентом. Роковая игра случая! То, что ты одинок, в смысле холост, это, конечно, арифметический плюс и очень положительный фактор. Ухлопают бандиты, и никто горячих слез лить не будет. А то тут одного вот такого же молоденького вчера на Сухаревке подстрелили, так сюда вся его родня сбежалась. То-то крику было!

— Ну, ну, брось запугивать, — усмехнулся Виктор. — Тебя послушать, можно подумать, что у нас каждую неделю по десять сотрудников убивают!

— А почему маленько и не поугаты? — На толстых щеках Груздя появились смешливые ямочки. — Не куличи печем — революционный порядок наводим! Надо рассуждать диалектически, пусть знает, на что идет. А то потом захочет на попятную, а поздно будет! — И, обернувшись к своему подчиненному, который молча сидел, с любопытством прислушиваясь к разговору, сказал: — Чего уши развесил? Оформляй приказом.

На следующий день я уже приступил к «исполнению обязанностей агента третьего разряда».

***** III

УЗНАВ о том, что я начал работать в уголовном розыске, Нина Георгиевна только вздохнула. Но этот короткий горестный вздох выражал многое. Ее грустные большие глаза как бы говорили: «Бедная Верочка,

сколько надежд, и вот, пожалуйста... Не учитель, не врач, а полицейский. Пропадающее поколение... А время страшное, и хлеб никуда не годится, и продуктов все меньше, и дороговизна растет. Революция! Да разве я имею что-нибудь против революции! Хотите революцию — пожалуйста, но ведь все нужно делать как-то культурно, основательно...»

Зато жильцы дома отнеслись к этой новости иначе. Я стал популярной личностью. Даже председатель домкома, тонкий, как жердь, инженер Глушенко, и тот зашел ко мне как-то посоветоваться о графике дежурств. А дворник Абдулла теперь здоровался первым и называл меня не «господин гимназист», а Александр Семенович. Если бы я сказал, что меня это совершенно не трогало, я бы солгал. Трогало. Еще как трогало! Более того, я проникся исключительным уважением к собственной персоне, и, дело прошлое, в моем ломающемся голосе появился металл. По улицам я теперь шел, подняв воротник шинели и бросая на прохожих пронзительные взгляды. Вид у меня, наверно, был донельзя комичный. Правда, период «оживания» в образ Шерлока Холмса продолжался сравнительно недолго, тем более что работа давала для этого мало пищи. Никто не предлагал мне раскрывать загадочных преступлений, обезоруживать опасных преступников и участвовать в погоне за бандитами. На мою беду, кто-то пришел к выводу, что у меня красивый почерк, и теперь меня заставляли переписывать протоколы, акты, заключения, а в свободное время я помогал старому сотруднику розыска Савельеву приводить в порядок картотеку дактилоскопических карточек.

У Савельева было совсем непримечательное лицо с нездоровой, желтоватой кожей, которая обвисала складками наподобие брылей бульдога, серые, водянистые глаза. Иногда он, казалось, совсем отключался от всего, что происходило в комнате, и, подперев щеку рукой, не мигая смотрел куда-то в окно. Вялый, флегматичный, всегда скучный, он явно не соответствовал образу интеллектуального сыщика, который создало мое мальчишеское воображение. Между тем Савельев был далеко не заурядной личностью и считался одним из немногих крупных специалистов сысского дела в России. Он великолепно знал уголовный мир и обладал феноменальной памятью, о которой рассказывали чудеса. Стоило ему якобы мельком увидеть человека, и он мог через десять — пятнадцать лет безошибочно сказать, где, когда и при каких обстоятельствах он его встречал.

К Савельеву приходили советоваться и агенты, и субинспектора, и инспектора. Он был своего рода справочным бюро. Частенько у него бывал и Горев, инспектор Рогожско-Симоновского района. Насколько Савельев был незаметен, настолько Горев обращал на себя внимание. Это был сдержанный человек средних лет, с красивым надменным лицом, обрамленным аккуратно подстриженной курчавой бородкой. В те годы многие «бывшие» пытались подладиться под новых хозяев страны. Они не брились, ходили в грубых солдатских гимнастерках с засаленными воротниками и к месту и не к месту щеголяли отборным матом, а некоторые из них надели и кожаные куртки. Такие куртки были лучшим свидетельством политических взглядов, недаром, когда человек надевал кожаную куртку, о нем говорили: «Окомиссарился». Горев был не таким. Он везде и всюду подчеркивал свое дворянское происхождение и в разговоре, между прочим, любил ввернуть: «Мы, дворяне». Одевался он тщательно, белье его всегда отличало белизной, а в галстуке поблескивал бриллиант булавки. Он со снисходительной иронией относился ко всем этим фабричным и мастеровым, которые

почему-то решили, что они сами смогут управиться с многочисленными и сложными делами великой России, а пока суть да дело драпают от немцев и не в состоянии навести самый примитивный порядок в стране. Свое презрение к «новым» он подчеркивал иронической вежливостью, которая иной раз ранила сильнее откровенной грубости.

— Очередной представитель революционного пролетариата? — спросил как-то Горев Савельева и кивнул в мою сторону.

— Гимназист, — вяло обронил Савельев.

— Позвольте поинтересоваться, из какого класса выгнали? По математике срезались или по русской словесности?

Я почувствовал, что еще слово, и я сорвусь. Видимо, поняв это, в разговор вмешался Савельев.

— Сейчас же гимназии закрывают. Учителя забастовку объявили. Вот он и поступил к нам. Паренек старательный, грамотный.

— Даже корову через «ять» не пишет? Трогательно. — Горев присел и, растягивая слова, сказал: — Вчера мне один из «товарищей» протокол осмотра места происшествия представил. Уникальнейший документ. Если не ошибаюсь, так сформулировано: «Обнаружен труп мужчины средних лет с множественными поранениями. Одна рана величиной в гривенник, другая в пятиалтынник, а всего ран на рубль двадцать...»

Слова Горева раздражали, но в то же время в них было что-то такое, что заставляло меня промолчать. За язвительностью Горева чувствовался надлом, горечь человека, который внезапно почувствовал себя за бортом жизни. В Гореве было что-то и от Нины Георгиевны, старой акушерки, которая была не против революции, но хотела, чтобы все делалось «культурно, основательно»...

Когда я заговорил о Гореве с Виктором, который последнее время часто у меня ночевал, он усмехнулся:

— Все в психологические тонкости играешь? Надрывы? Надломы? Роль русского интеллигента в революции? Дурак твой Петр Петрович, вот и все!

Виктор успокоился так же внезапно, как и вспыхнул. Присев у печурки, которую я приспособил с наступлением холодов недалеко от наружной стены на листе жести, он спросил:

— Не надоело еще бумаготворчеством заниматься?

— Надоело.

— Мы завтра вечером на Хитровку едем. Новая банда появилась — Кошельков, Сережка Барин, еще человек двадцать. А ниточка, конечно, на Хитровку. Надо пощупать. Хочешь?

Об этом Виктор мог бы меня и не спрашивать...

***** IV

ХИТРОВ рынок издавна был пристанищем всех уголовных элементов города, которые ютились здесь в многочисленных ночлежках. Притоны чуть ли не официально делились на разряды. В высших обитали фальшивомонетчики, налетчики, медвежатники, крупные домушники; в средних находили все, что им требовалось, ширмачи, поедушники, голубятники, а ночлежки низшего разряда заполнялись преимущественно нищими, портяночниками и мелкой шпаной.

В домах Румянцева, Ярошенко и Кулакова имелись и отдельные комнаты — «нумера», которые предоставлялись почетным гостям. Здесь находили себе приют международные взломщики сейфов типа

Вагновского и Рыдлевского, расстрелянных в 1919 году, известные бандиты, как, например, Павел Морозов, Котов и Мишка Чума, фальшивомонетчики и крупные авантюристы.

На Хитровом рынке большими партиями скупали краденое, нюхали кокаин, ночи напролет играли в штос, железку, ремешок, пили смирновку и ханжу. Здесь же разрабатывались планы наиболее крупных дел.

Хитрованцы не без юмора называли рынок «вольным городом Хивой», и это название довольно точно отражало его положение. Полиция сюда заглядывала редко, и рынок жил по своим собственным законам. Когда в 1914 году Горев представил начальнику сысской полиции проект ликвидации рынка, тот улыбнулся и с сожалением сказал:

— Идеалист вы, Петр Петрович. Неисправимый идеалист.

Ликвидации Хитровки добивался не только Горев. Но рынок, как неприступная крепость, выдерживал все штурмы. Формально его существование оправдывали тем, что он является поставщиком рабочей силы. Действительно, артели рабочих, приезжавших в Москву на заработки, первым делом шли на Хитровку, где их уже поджидали подрядчики. Но соль была не в этом. Просто Румянцев, Ярошенко и Кулаков, которым дома на Хитровке приносили сказочные доходы, всеми силами противились уничтожению рынка, используя для этого свои связи в городской думе и в канцелярии генерал-губернатора. Да и сами обитатели Хивы хорошо знали, как надо поддерживать хорошие отношения с сильными мира сего.

Особенно за бурлила жизнь на Хитровке после Февральской революции, когда Временное правительство объявило всеобщую амнистию. В цветастом написанном указе сообщалось, что амнистия должна способствовать «напряжению всех творческих сил народа», а амнистированные уголовники призывались к защите родины и отечества, для «утверждения законности в новом строе». Только из московских тюрем было выпущено более трех тысяч опасных преступников. Они не имели ни денег, ни одежды, их трудоустройством никто не интересовался. И амнистированные вместо «утверждения законности в новом строе» занялись своим привычным ремеслом. За первую половину 1917 года число опасных преступлений в Москве увеличилось в 4 раза, к июню в городе уже действовало более 30 крупных банд. На Хитров рынок потянулись «обратники» — налетчики и домушники, ширмачи и мокрятники. Трактиры «Каторга», «Сибирь», «Пересыльный» буквально ломились от народа. Тут и там мелькали раскрашенные физиономии хитровских «принцесс», вертявые фигуры «деловых ребят», разгоряченные азартом и самогоном лица шулеров. Теперь обыватель боялся проходить мимо Хитровки не только вечером или, не дай бог, ночью, но и днем. Здесь могли раздеть, ограбить, избить, а то и попросту придушить где-нибудь во дворе ветхого дома.

За время своей недолгой работы в розыске я уже достаточно наслушался различных историй, связанных с жизнью Хитровки. Слова «Хитров рынок» часто мелькали в приказах, их произносили на совещаниях и заседаниях. Большинство ЧП, как их называл Груздь, также были связаны с Хитровкой. То атаман рынка Разумовский убил двух милиционеров, то знаменитый Мишка Рябой хотел вырезать семью Горева, то к нам поступали сведения, что после ограбления в Петрограде здания сената все ценности какими-то неведомыми путями были переправлены на Хитровку и золотую статую Екатерины II стоимостью в 500 тысяч

рублей, и ларец Петра Великого видели у содержателя чайной Кузнецова. А дня три назад с Хитровки привезли трупы агента I разряда Тульке и матроса Павлова из боевой дружины. У обоих к груди были прибиты гвоздями дощечки с надписью: «Легавым собачья смерть». Убийц так и не нашли...

Для меня предстоящая операция на Хитровке была, по существу, первым серьезным испытанием. И я сильно волновался. Но больше всего я боялся, что это волнение может кто-либо заметить. Поэтому в тот день я держался подчеркнуто весело, напуская на себя такую бесшабашность: дескать, жизнь — копейка, а судьба — индейка. Смеялся я по всякому поводу и без повода. Правда, насколько этот смех выглядел естественным, судить не берусь. Видимо, не очень, потому что Арцыгов, командир конвойного взвода, маленький, верткий, поросший иссиня-черной щетиной, который никогда на меня не обращал внимания, вдруг подозрительно спросил:

— Ты чего, гимназист, веселишься? Не к добру. Тульке тоже веселился, когда на Хитровку посылали. Видал, какое решето заместо чело-века привезли?

Арцыгова я не любил, но в то же время им восхищался. Однажды он со сломанной правой рукой и с наганом в левой привел трех налетчиков. В другой раз провел ночь, лежа между трупами в морге, чтобы скрыть аферу с медикаментами. А то как-то на спор, выпив стакан спирта, посмеиваясь, прошелся от балкона до балкона по карнизу седьмого этажа дома Ефремова.

Арцыгов красочно описывал, как выглядел труп Тульке, и я понимал, что делает он это специально, но все-таки чувствовал себя неважно.

— Вот так и разделали парня, — заключил Арцыгов и, с любопытством смотря на меня неподвижными навывкате черными глазами, спросил:

— Боязно небось в Хиву-то, а?

— А чего бояться? — бодро, даже слишком бодро ответил я. — Семи смертям не бывать, а одной не миновать!

— Что верно, то верно, — согласился Арцыгов и кивнул на мои фетровые бурки. — Махнемся? Даю валенки и башлык.

Я отрицательно покачал головой.

— Зря, башлык верблюжей шерсти, — выпятил нижнюю губу Арцыгов. — Но дело хозяйское. А если на Хитровке кокнут, в наследство оставишь? — спросил он серьезно и, как мне показалось, даже с надеждой.

Заставив себя засмеяться, я весело ответил:

— Ну, если кокнут, можешь все забрать.

Любопытно, что после разговора с Арцыговым мое первое возбуждение как-то улеглось. Я уже мог заниматься своими обычными делами, а их оказалось немало. Кроме того, дежурный не справлялся с регистрацией происшествий, и мне пришлось взять это на себя. Происшествий было много — мелкие и крупные кражи, налеты, убийства. Потом привели человек двадцать мешочников.

Этими мешочниками были забиты все камеры предварительного заключения. Разные дядьки круглые сутки валялись на нарах, били вшей и ругали советскую власть. Время от времени кто-нибудь из них начинал дубасить в дверь камеры кулаками, требуя начальства, или затягивал песню. Репертуар был ограниченный, мне запомнилась только одна песня на мотив «Вышли мы все из народа».

«Вышли мы все из вагона, — вразнобой орали певцы, — картошку

отбрали у нас. Вот вам союз и свобода, вот вам советская власть!»

Новую партию мешочников надо было предварительно опросить и зарегистрировать. Я настолько закрутился, что, когда в дежурку заглянул Савельев и спросил: «Вы готовы?», я посмотрел на него недоумевающим взглядом.

— Мы же скоро едем.

— Ах да, действительно.

Дежурный было возмущен, что он и так зашивается, а у него еще помощника отбирают, но Савельев даже не посмотрел в его сторону. Пропуская меня вперед, он сказал:

— Удивляюсь вашему спокойствию. Когда я участвовал в своей первой операции, я не был столь хладнокровен. Волновался весьма...

— Видимо, дело в характере, — без излишней скромности объяснил я.

***** V

МЫ ОСТАНОВИЛИСЬ недалеко от Орловской больницы. Горев поднес к губам свисток и два раза негромко свистнул. Ему точно так же ответили, и из-за дома вынырнул невысокий человек в романовском полубухе. Это был Арцыгов.

— Ну как? — коротко спросил Горев.

— Все в порядке, Петр Петрович. Гнездышко со всех сторон оцеплено.

— Ну что ж, хорошо, если, конечно, птички не улетели.

— Вы со мной будете или внутрь пойдете? — спросил Арцыгов, растирая замерзшие пальцы.

— С вами. А вы, Сухоруков?

— Я тоже в оцеплении останусь.

— А мы с молодым человеком отправимся пить чай к Аннушке, — сказал Савельев и вытер указательным пальцем слезящиеся на ветру глаза.

У входа в трехэтажный дом стояли два красногвардейца, вдоль стены маячили в сумерках еще несколько фигур с винтовками.

Савельев взял меня за локоть, и мы вошли в подъезд. Сразу же потянуло спертым, вонючим воздухом. Лестница не была освещена, я то и дело спотыкался на стертых ступеньках. На площадке между первым и вторым этажом наткнулись на спящего оборванца, который даже не шевельнулся.

Мы вошли в громадную квадратную комнату. Большинство ночлежников спало. С трехъярусных нар свешивались ноги в сапогах, лаптях и опорках. Посреди ночлежки, под висячей керосиновой лампой, прямо на грязном полу играли в карты.

Савельев поманил пальцем рыжего парня в суконной чуйке и опойковых сапогах с высокими кожаными калошами, который, видимо, следил здесь за порядком.

— Эй, ты, Семен, кажется?..

— Так точно, Федор Алексеевич! — с готовностью откликнулся тот и по-солдатски щелкнул каблуками. — Что прикажете?

— Севостьянова у себя?

— Так точно.

— Проводи нас.

Парень засуетился:

— Уж и рада вам будет Анна Кузьминична. Вчера как раз меня

спрашивали: «Чего, дескать, Федор Алексеевич про нас совершенно забыли? Уж не обидела ли я их ненароком...»

— Ладно языком молоть, — оборвал его Савельев. — Или, может, время выгадываешь?

— А чего мне выгадывать? — честно выкатил глаза парень. — Сами сегодня убедитесь, что зазря столько людей к дому пригнали. Нам скрывать нечего, а вам завсегда рады!

В сопровождении парня мы прошли в дальний угол ночлежки, занавешенный ситцем, и рыжий забарабанил кулаком в дверь.

— Кто там? — послышался старческий, дребезжащий голос.

— Открой, Иваныч! Гостей привел.

— Полуночники! — недовольно заскулил голос. — Сичас отопру. Загремел запор, и меня ослепил яркий свет.

— Ого! Электричество провела! — сказал Савельев.

— А как же, нешто мы хуже других! — откликнулся мелодичный женский голос. — Заходите, заходите!

О Севостьяновой мне как-то рассказывал Виктор. Она снимала несколько ночлежек и «нумеров» в Сухом овраге. Пожалуй, во всей России не было ни одного крупного преступника, который бы хоть раз не побывал в этих «нумерах», где можно было получить все, начиная от шампанского «Клико» и кончая полным набором новейших зарубежных инструментов для взлома сейфов. Поговаривали, что Севостьянова не только скупает краденое и укрывает преступников, но и участвует в разработке планов ограблений. Но уличить ее не могли.

Савельев, любивший всегда проводить параллель между людьми и насекомыми, на мой вопрос о Севостьяновой ответил:

— Вы знаете про жука богомола? Если самка богомола голодна, то она даже во время спаривания иногда начинает, между прочим, жевать голову своего возлюбленного, а затем и его грудь. Таким образом, вскоре весь он оказывается в ее желудке... Так вот, я не завидую тому, кто подвернется Аннушке под руку, когда она голодна...

Естественно, что после всего этого я ожидал увидеть нечто из ряда вон выходящее, но знакомство с Севостьяновой меня несколько разочаровало. В ее облике не было ничего бросающегося в глаза — обыкновенная мешаночка из Замоскворечья. Миловидное простое лицо, в мочках ушей изумрудные серьги, на плечах оренбургский платок. Держалась она просто и свободно; как старая знакомая, расспрашивала Савельева про семью, ужасалась дороговизной.

— Если так дальше продолжаться будет, Федор Алексеевич, — говорила она, — то хоть ложись и помирай. Никаких возможностей больше нет. Мои-то захребетники вовсе платить перестали. Свобода, говорят, долой эксплуататоров. Если бы не мои молодцы, то не знаю, как бы с ними и справилась...

Савельев молча ее слушал и посмеивался. Потом Севостьянова вышла в другую комнату и вернулась с подносом, на котором стоял графинчик с узким горлышком и две коньячные рюмки.

— Не побрезгуйте, Федор Алексеевич, откушайте!

Меня Севостьянова просто не замечала.

— Коньячок не ко времени, — отрицательно мотнул подбородком Савельев, — а самоварчик поставь.

Чай пил он вкусно, истово, время от времени вытира большим платком лоснящееся лицо.

— Хорошо! Недаром покойный отец, царство ему небесное, гова-

ривал, что настоящий чай должен быть, как поцелуй красавицы: крепким, горячим и сладким.

Постороннему могло показаться, что происходит все это не на Хитровке, в доме Румянцева, а где-то на окраине Москвы, в обывательской квартирке. Пришел к молодой хозяйке пожилой человек, друг семьи, а может быть, крестный. Скучновато ей со словоохотливым стариком, но виду не покажешь: обидится. Вот и старается показать, что ей интересно. Старичок бывает редко, можно и потерпеть.

Эта иллюзия была нарушена только один раз, когда Савельев внезапно спросил:

— Сколько ты опиума, Аннушка, купила?

В углах рта Севостьяновой легли резкие складки, отчего лицо сразу же стало злым.

— Бог с вами, Федор Алексеевич! Какой опиум?

— А тот самый, что Горбов и Григорьев на складе «Кавказа и Меркурия» реквизиrowали.

— Ах, этот! — протянула Севостьянова. — Самую малость — фунтиков двадцать. Налить еще чашку?

— Налей, голубушка, налей, — охотно согласился Савельев. — А свою покупочку завтра с утра к нам завези.

— Чего там везти, Федор Алексеевич!

— Не спорь, голубушка. Договорились? Вот и хорошо. А заодно прихватишь золотишко, которое тебе Водопроводчик вчера приволок. И скажи ему, чтобы, пока не поздно, уезжал из Москвы. Распустился.

Когда в комнату ввели первую партию задержанных, Савельев неохотно отодвинулся от столика.

— Так и не дали чаю попить! — сказал он Виктору и протяжно зевнул, похлопывая согнутой ладошкой по рту. — Ну-с, кто здесь из старых знакомых?

— Кажись, я, Федор Алексеевич, — подобострастно скосярнулся оборванец с глубоко запавшими глазами.

— Хиромант? Володя?

— Он самый, Федор Алексеевич, — с видимым удовольствием подтвердил оборванец. — Только прибыл в Хиву, даже приодеться не успел — пожалуйста бриться.

— Ай-яй-яй, — ужаснулся Савельев. — Откуда же ты, милый?

— Из Сольвычегорска прихрюл, Федор Алексеевич. Как стеклышко, чист. Истинный бог, не вру! Век свободы не видать!

— Ну, ну. Не пойман — не вор. Отпустят. А вот тебя, голубчика, придется взять, — обернулся он к чисто одетому подростку. — Шутка ли, двенадцать краж! Сидоров с ног сбился, тебя разыскивая.

— Бог вам судья, Федор Алексеевич, но только на сухую берете!

— Это ты будешь своей бабушке рассказывать! — обиделся Савельев. — Твою манеру резать карманы я знаю.

Так перед столом Савельева прошло человек пятнадцать — двадцать, большинство из которых тут же было отпущено.

— Из-за такой мелкоты не стоило и ездить! — скучно сказал он, когда ввели очередную партию, и вдруг шлепнул рукой по столу. — Ну, господин Сухоруков, вы, видно, в рубашке родились! Прошу любить и жаловать — Иван Лесли, по кличке Красивый. Вместе с Кошельковым участвовал в ограблении валютчиков на Большой Дмитровке и артельщика на Мясницкой. Так, Ваня?

Тот, к кому он обращался, был действительно красив — высокий, стройный, синеглазый, с вьющейся шевелюрой. Лесли был братом не-

весты Кошелькова, Ольги. К банде он примкнул недавно под влиянием Кошелькова. Виктору действительно повезло: показания Лесли могли навести на след всей банды.

Всего было отобрано пять человек: три карманника, домушник, подозревавшийся в крупной квартирной краже, и Красивый.

Когда красногвардейцы увели задержанных, мне показалось, что из-за двери, ведущей в соседнюю комнату, донесся какой-то странный звук.

— Кто у вас там?

— Мальчишка один, хворает.

Я заглянул в смежную комнату, обставленную намного бедней, чем та, в которой мы сидели, и никого не увидел.

— Где же он?

— Да вон там, в углу, — нетерпеливо сказала Севостьянова и отдернула ситцевый полог.

На маленьком диванчике под лоскутным одеялом кто-то лежал. Я приподнял край одеяла и увидел пышущее жаром лицо мальчика. Глаза его были полузакрыты. Дышал он порывисто, хрипло.

Тузик!

Да, ошибки быть не могло, он!

***** VI

МОЙ ОТЕЦ был человек увлекающийся, от него можно было ожидать всего. Поэтому, когда он в один прекрасный день привел в дом беспризорника с Хитровки и заявил, что тот теперь будет у нас жить, никто не удивился. Вера, которая тогда вместе с Ниной Георгиевной готовилась к выпускным экзаменам на акушерских курсах, отодвинула конспекты и, громко стуча каблучками, прошла в столовую.

— Вот этот? — спросила она, брезгливо взглянув на жалкого оборвыша, стоявшего посреди комнаты.

— Да-с, — громко ответил отец, у которого всегда появлялся задор, когда он чувствовал себя неуверенно. — Вас это не устраивает?

— Нет, ничего, — спокойно сказала Вера, — курносенький.

— Какой есть, других не было.

Вера смирила отца взглядом, и папа сразу же потерялся. Он засуетился и робко сказал:

— Ты, Верочка, не сердись. Я понимаю, экзамены, хлопоты по хозяйству, беспокойства, но...

— Ладно, — прервала его Вера, — не надорвусь. Хотя, как ты, видимо, знаешь, я против индивидуальной благотворительности, которая только развращает людей: и тех, кто благодетельствует, — Вера вложила в это слово столько иронии, что оно прозвучало, как оскорбление, — и тех, кого благодетельствовали. Впрочем, об этом мы поговорим позднее. Я догадывалась, что твое участие в комиссии по оздоровлению Хитрова рынка так просто не кончится. Скажи хоть, как его зовут?

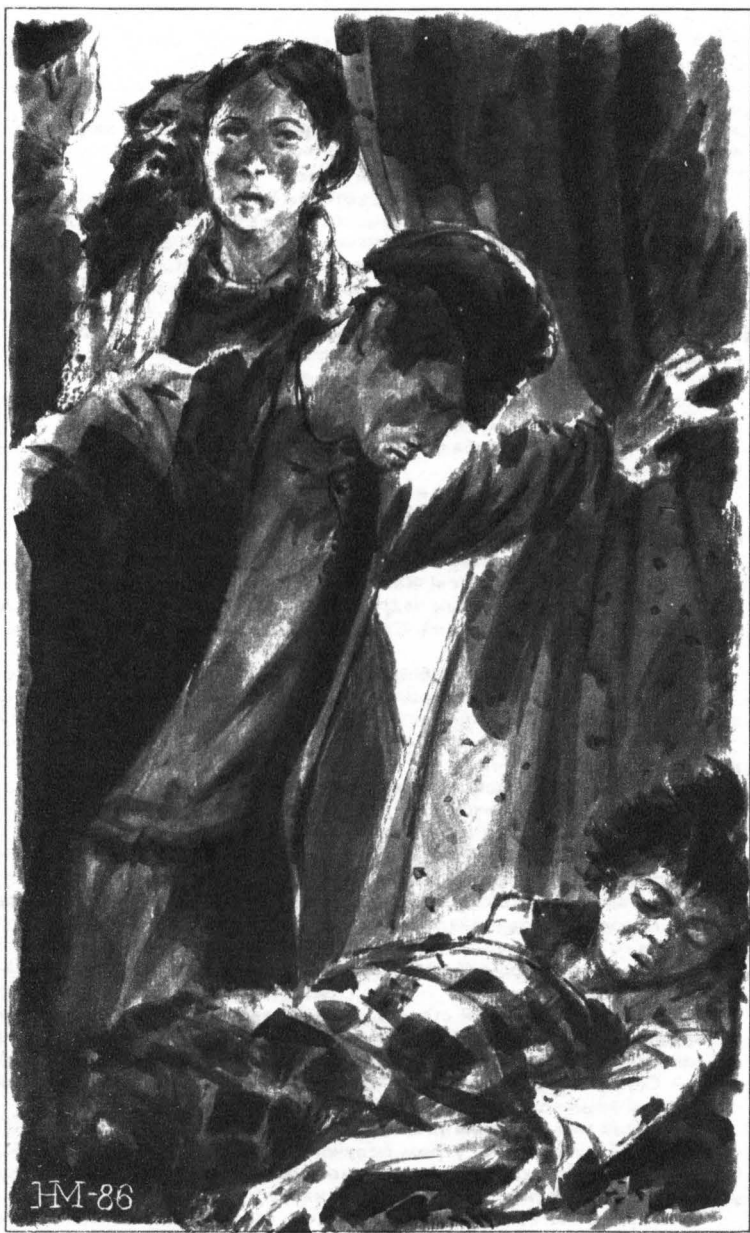
— Тузиком, — потупился отец.

— И то хорошо, по крайней мере не Шарик и не Полкан. Нина! — позвала она подругу. — Тут Семен Иванович сделал нам сюрприз, так не мешало бы его отмыть...

— Кого отмыть? — переспросила Нина Георгиевна.

— Папин сюрприз отмыть. Ты мне поможешь?

Так в нашей квартире появился новый член семьи, беспокойное «дитя улицы», как его называла Вера.

Тузик держался весьма независимо. Отца он любил, Веру боялся, меня не замечал, а нашу прислугу, пухленькую Любашу, ненавидел. До сих пор не могу понять природу этой ненависти. Любаша была совершенно безобидной девушкой, которая, как говорится, даже мухи не могла обидеть. Но Тузик ее доводил до слез. Как-то Любаша не выдержала и заявила Вере, что больше оставаться в доме она не может. Или она, или Тузик.

— Позови его сюда, — сказала Вера.

Любаша отправилась на кухню, которая была излюбленным местом юного гражданина Хитровки, но его там не оказалось. Тузика ждали до вечера — напрасно. Не появился он и на следующий день. Отец было хотел обратиться в полицию. Но Вера строго сказала:

— Хватит, найди себе другое развлечение. Больше мучиться с мальчишкой я не собираюсь.

И вот через год с лишним я опять увидел Тузика здесь, на Хитровке, в притоне Севостьяновой.

— Ты чего застрял?! — крикнул Виктор.

— Да тут, мальчишка...

— Какой мальчишка?

— Ну помнишь, я тебе рассказывал... Тузик. Отец его с Хитровки тогда привел.

Виктор подошел ко мне и наклонился над диванчиком.

— Испанка. Надо бы в больницу... Давно его прихватило? — спросил он у Севостьяновой.

— Третий день пошел. Ничего, отлежится.

— Какое там отлежится! Как пить дать, помрет.

— А помрет, значит, так надо. Богу видней, — безучастно ответила Севостьянова и предложила Савельеву еще чашку чаю. Но тот отказался.

— Ну так что, отнесем в больницу? — неуверенно спросил Виктор.

Он попросил у Севостьяновой второе одеяло и начал тщательно закутывать Тузика.

— Охота вам возиться... — сказала Севостьянова и осеклась: на улице застучали выстрелы.

Кто-то дико и страшно закричал. Опять выстрелы. Один за другим. Мы с Виктором безотчетно кинулись к выходу.

— Куда? Сейчас же назад! — крикнул Савельев.

С быстротой, которой трудно было от него ожидать, он подскочил к выключателю, погасил свет и пинком ноги распахнул дверь в ночлежку, где слабо светила керосиновая лампа.

— Храбрость показывать нечего, — ворчливо сказал он, запыхавшись, — а то всех, как кроликов, перестреляют. Это вам не роман о похождениях Рокомболя, а Хитровка. А ты, Аннушка, подальше от греха уйди-ка в ту комнату...

Он прижался спиной к стене у входной двери, и я слышал, как коротко щелкнул взведенный курок. Мы с Виктором встали по другую сторону двери.

— Спусти предохранитель, — почему-то шепотом сказал мне Виктор.

— А где он? — также шепотом спросил я.

Держа в руке только утром полученный браунинг, я больше всего опасался, что могу всадить пулю в самого себя: Груздь не объяснил его устройства, а спросить у него я постеснялся.

Виктор молча взял браунинг и, что-то сделав с ним, вложил мне его обратно в руку.

Стрельба прекратилась так же неожиданно, как и началась. В ночлежке что-то передвигали, ругались, но к двери никто близко не подходил.

— Пошли? — спросил Виктор.

— Успеете.

Томительно тянулись минуты. Потом послышались торопливые шаги, и в освещенном квадрате дверного проема появилась фигура Горева.

— Не стреляйте. Это я. Где тут выключатель? — Он зацарапал ногтями по стене.

Савельев зажег свет. Горев тяжело опустился на стул. Шуба на нем была распахнута, лицо бледное, веко правого глаза подергивалось.

— В чем дело? — спросил Савельев.

— Арцыгов... Лесли застрелил...

— Побег?

— Какой побег! Для развлечения...

Виктор неторопливо начал засовывать маузер в кобуру. Он никак не мог попасть в коробку. Бессмысленными глазами оглянулся по сторонам и так, зажав маузер в руке, двинулся к двери.

— Сухоруков! — окликнул его Савельев. — У вас не найдется закурить?

— Что? — непонимающе посмотрел на него Виктор.

— Закурить, спрашиваю, не найдется?

— Закурить?

Рукой, в которой был маузер, Виктор начал похлопывать себя по карману. Затем положил маузер на стол и достал кисет.

— Но вы же не курите? — растерянно спросил он.

— Правильно, — подтвердил Савельев. — А теперь спрячьте оружие и пошли.

Мы прошли через притихшую ночлежку и спустились по лестнице. Красногвардейцы оттаскивали труп к одинокому столбу, фонарь на котором слабо светил сквозь густую кисею падающего снега.

С разных концов площади стекались к фонарю группами и поодиночке оборванные люди.

Солдат в ушанке угрожающе клацал затвором и тонко кричал:

— Куда?! Стрелять будем!

— Где Арцыгов? — спросил у него Виктор.

— А я знаю? — зло огрызнулся тот и снова закричал: — Куда? Куда?!

Откуда-то неожиданно вынырнул Арцыгов, разгоряченный, в лихо заломленной на затылок мерлушковой папахе.

— Поторапливайся, ребята, поторапливайся! — Увидев нас, он весело оскалил зубы и подмигнул: — Смыться хотели!

— Не лгите, — устало сказал Горев. — Я все видел. Вы просто самовольно дали приказ о расстреле.

Щеку Арцыгова дернула судорога.

— А если и так, что тогда? Все равно бы его шлепнули, не здесь, так там. Теперь не старый режим: с подонками церемониться некогда. Революция!

— Ты, сволочь, на революцию не ссылайся! Революция не такими и не для таких делалась! — Виктор схватил Арцыгова за борта полушубка.

Тот вырвался, выхватил наган.

— Осади, шкет!

Вмешался Горев:

— Хватит. Разговор продолжим завтра. Обо всем этом, как ответственный за операцию, я доложу начальнику уголовного розыска.

— Хоть самому всевышнему! — оскалился Арцыгов и крикнул красногвардейцам, прислушивавшимся к разговору: — Грузи на сани! А по тем, кто подойдет ближе, чем на десять шагов, стрелять без предупреждения.

— Свобода... — вздохнул Горев и начал непослушными пальцами застегивать шубу.

***** VII
ТУЗИКА в Орловской больнице не приняли. Старый фельдшер с прокуренными седыми усами только разводил руками.

— Можете расстреливать, товарищи, а мест нет. Куда я его положу? В морг, что ли?

Извозчика мы не нашли, пришлось Тузика нести на руках. Виктор его держал за плечи, я — за ноги. У Покровских ворот нас остановил патруль.

Ругаясь сквозь зубы, Виктор передал мне Тузика и достал удостоверение.

— Служба, — смущенно сказал пожилой красногвардеец, возвращая удостоверение. — Что с мальчонкой? Сыпняк?

— Нет, кажется, испанка.

— Подсобить?

Только тут я почувствовал, как устал за эту ночь. Руки у меня онемели, колени дрожали, спина стала совсем мокрой от пота.

— Пожалуйста, папаша, — поспешно сказал я, опасаясь, что Виктор откажется. — Здесь уже рядом. Парнишка не тяжелый, только мы его закутали, чтоб не простыл...

— Тяжесть невелика, грыжу не заработаю...

Красногвардеец передал винтовку своему напарнику, в последний раз жадно затянулся сигаркой, выплюнул ее в снег.

— Давайте! Один управляюсь.

В Москве проходило уплотнение, и ко мне вселили семью доктора Тушнова. Опасаясь воров, доктор врезал в дверь несколько новых замков, которые можно было открыть — и то не всегда успешно — только изнутри, зная секрет сложной механики.

Я позвонил — молчание. Еще раз.

— Так мы всю ночь под дверью стоим, — раздраженно сказал Виктор. — Ты не миндальничай, стучи кулаком! Разоспались!

Я последовал его совету, но к двери по-прежнему никто не подходил.

— Сильны спать! — почти с восхищением сказал второй красногвардеец, который молчал всю дорогу. — Ну и буржуи! Запросто всю революцию проспят. Продерут глаза — аи уже коммунизм!

— Не спят они, просто отпереть боятся. Дай-кась я! — сказал разговорчивый красногвардеец. Он опустил Тузика на лестничную площадку и грохнул в дверь прикладом.

— Эй, вы, открывайте!

— У меня оружие, я буду отстреливаться, — послышался из-за двери дрожащий голос доктора.

— Я тебе стрельну! — рывкнул красногвардеец.

— Я брал призы за меткость, — таким же бесцветным голосом прошелестел доктор.

С перепугу доктор действительно мог выстрелить.

— Борис Николаевич, — вмешался я, стараясь говорить как можно спокойнее и убедительнее, — пожалуйста, не волнуйтесь. Никто на вас не собирается нападать. Это же я и Сухоруков, тот Сухоруков, который в нашем дворе живет. Мы пришли ночевать. Вы узнаете мой голос, правда?

— Голос можно изменить.

— Но кому это нужно?

— Грабителям, — последовал обоснованный ответ.

Дипломатические переговоры через дверь продолжались минут десять. Наконец доктор, не снимая цепочки, приоткрыл дверь и только тогда, убедившись, что мы именно те, за кого себя выдаем, впустил нас в прихожую.

В моей комнате, загроможденной мебелью, было холодно и сыро: дома я бывал редко и топил свою «пчелку» от случая к случаю.

Мы уложили Тузика на большую двухспальную кровать карельской березы, разжав плотно стиснутые зубы, влили в рот немного микстуры. Тузик дернулся, перевернулся на бок, что-то забормотал.

Виктору я постелил на диване, себе на кушетке. Вместе растопили печурку. Я смертельно устал, голова была тяжелой. Передо мной стояло желтое, с заострившимся носом лицо Лесли: я видел кружащиеся снежинки, которые падали на его щеки и не таяли. А глаза у Лесли были открыты, и снежинки, попадая на них, тоже не таяли. Интересно, сколько Лесли было лет? Наверно, не больше двадцати пяти. И недаром его прозвали Красивым. Действительно, красивый, очень красивый. Наверно, не одной гимназистке голову вскружил... Хотя при чем тут гимназистки? Ведь он не учился в гимназии. А может быть, учился? Что за ерунда в голову лезет?..

Я приподнялся на локте и закурил.

— Не спишь? — спросил Виктор.

— Не спится.

— Мне тоже. Все об этом деле думаю. Сволочь все-таки Арцыгов. Ему что вошь, что человек. Раз — и нету. За что он его убил?

— Ну, бандит все-таки...

— А бандит не человек?

— Ну, так все оправдать можно.

— Да я не оправдываю, объясняю. Вот его возьми, для примера, — Виктор кивнул в сторону Тузика, — и бандит из него может выйти, и профессор. Скажешь, нет? Жизнь почище какого скульптора лепит. Для того нам и переделываем, революция для всех, и для них, хитрованцев, тоже...

— Значит, по-твоему, бандитов и уничтожать не нужно?

— Почему не нужно, нужно. Есть такие, которых уже не переделаешь, озверели, ожесточились, уж слишком крови нанюхались. Только нам в бандитов не следует превращаться... А то вот я одного из комендантского взвода знал. Весельчак вроде Арцыгова. Рубаха-парень... Так что он, зараза, делал: вел человека на расстрел, а сам шуточки шутил, в усики посмеивался. Одной рукой за плечи обнимает, а другой потихоньку наган достает, чтобы в затылок пулю вогнать. Это, объяснял, я из доброты делаю, чтобы расстреливаемый до последней секунды не знал, что я его кончать веду... Кокнули этого весельчака, свои же ребята кокнули. Не человек — садист... Таких нам пуще открытых врагов опасаться надо. Они идею пачкают, как девуку своими грязными руками лапают.

Я СИДЕЛ в кабинете Виктора, когда вошел Горев.

— Прошу ознакомиться, господин Сухоруков, — сказал он и положил на стол поверх протокола допроса свою докладную об убийстве на Хитровке.

— Вернулась от начальника?

— Да, довольно быстро, не правда ли? Как любит говорить Сергей Арнольдович, без старорежимного бюрократизма и волокиты.

Наискось докладной мелким, с завитушками, почерком начальника уголовного розыска была написана длинная и витиеватая резолюция: «Поступок Арцыгова достоин осуждений, поскольку противоречит основным принципам создаваемой в классовых боях революционной законности и нарушает общие правовые положения. Но в интересах объективности необходимо учесть и иные характерные моменты — пролетарское происхождение провинившегося и его беззаветную преданность революции, а также то, что убитый являлся деклассированным элементом, затрудняющим поступательный ход истории. Учитывая вышеизложенное, ограничиться в рамках целесообразности разъяснительными мероприятиями...»

— Чуть какая-то.

— Думаете? — Горев усмехнулся. — Напрасно, господин Сухоруков. Просто Сергей Арнольдович ставит точку над «і»: раз человек пролетарского происхождения, он имеет право убивать, а раз другой — «деклассированный элемент», следовательно, его нужно убивать. Что же касается законов, то они, если не ошибаюсь, «сметены революционным ураганом». Как в вашей песне поется: «Мы старый мир разрушим до основания»?.. Так, кажется?

— Да, только вы продолжение забыли: «...А затем...»

— Нет, помню. Но боюсь, что «затем» уже поздно будет. Во всей бывшей Российской империи останутся только трупы да стаи волков.

Когда Виктор сильно волновался, он бледнел. Вот и сейчас я видел, как кровь отлила от его щек, а глаза сузились. В такие минуты он мог наделать черт те что. Поэтому, когда он сказал, что пойдет к Миловскому, я решил идти вместе с ним.

Начальник уголовного розыска Сергей Арнольдович Миловский был в недалеком прошлом присяжным поверенным и, видимо, неплохим адвокатом. Во всяком случае, его фамилия в свое время частенько мелькала в газетах в разделе судебной хроники. Мужчина он был, что называется, видный. Густые волнистые волосы с проседью, волевой подбородок, под упругими дугами бровей — великолепные глаза трагика. Короче говоря, на присяжных он должен был производить сильное впечатление. Но в уголовном розыске его не то чтобы не уважали, а как-то не принимали всерьез. Когда мы зашли в кабинет Миловского, он просматривал какие-то бумаги.

— Вам некогда, Сергей Арнольдович? — спросил я.

Зная характер Виктора, я больше всего хотел сейчас избежать этого неприятного разговора.

Но Миловский, положив на бумаги пресс-папье, сказал:

— Писанина подождет. Для сотрудников у меня в сутки выделено ровно... — он сделал короткую эффектную паузу, — двадцать четыре часа.

— Я относительно Арцыгова, — хмуро сказал Виктор.

Миловский слегка приподнял правую бровь. Все его лицо выражало недоумение.

— Арцыгова? — повторил он хорошо поставленным голосом. — Слушаю, товарищ Сухоруков.

— Я читал вашу резолюцию на докладной Горева и не согласен с ней. Арцыгову не место в уголовном розыске.

— Вот как?

— Таких нужно гнать в три ши.

Миловский внимательно посмотрел на Виктора. Теперь лицо его выражало скорбь. Он покачал головой.

— Не ваши слова, товарищ Сухоруков, не ваши... И это печально, что вы, рабочий парень, повторяете мысли Горева, осколка прошлого режима.

— При чем тут Горев? — грубо сказал Виктор. — Просто я считаю, что в розыске не место бандитам, что должна существовать какая-то законность...

— Какая-то законность? Нет, товарищ Сухоруков, не какая-то, а революционная. Законность, созданная в огне революции, совсем не напоминает слюнявые разглагольствования небезызвестного Кони. Я, разумеется, не оправдываю Арцыгова, но я его понимаю. А вот вас я не могу понять. Революция — это вихрь, ураган. Втиснуть ее в заплеванные рамки правовых норм и обветшалых догм нельзя. Она — богатырь. А попробуйте на богатыря надеть одежду подростка — затрещит по швам.

Миловский вышел из-за стола и говорил, уже обращаясь не к Виктору, а к воображаемой аудитории. Его отработанные жесты покоряли своей силой и выразительностью. Точно так же он выступал на многочисленных совещаниях, призывая сотрудников розыска «раз и навсегда покончить с гнусным наследием проклятого прошлого».

— А говорит он все-таки здорово, — сказал я Виктору, когда мы вышли в коридор.

— Болтуны всегда здорово говорят, — ответил Виктор. — На то они и болтуны.

***** IX
СОВЕТСКАЯ власть все более прочно обосновывалась в городе, занимая одну ключевую позицию за другой. Зайдя в любое учреждение, теперь можно было увидеть рядом со строгими, глухими шторами демократические косоворотки.

Старое причудливо переплеталось с новым. В газетах печатались объявления о национализации по требованию рабочих фабрик и заводов и о «...новоизобретенной машинке «Глория» для оттачивания ножей «жиллет», сообщения о положении на Украине и об организации «артели безработных помещиков», о захвате «немедленными социалистами» особняка на Первой Мещанской и о том, что бывший царь Николай II в Тобольске систематически занимается зарядкой и по собственной инициативе сам счищает снег и рубит дрова.

Все менялось. Менялось на глазах. Все так же на многочисленных совещаниях произносил часовые речи Миловский, клеймя позором мировой империализм и призывая сотрудников добиться стопроцентной раскрываемости преступлений. Точно так же, как и десять лет назад, ровно в восемь открывал дверь своего кабинета Горев и ровно в час закрывал, отправляясь на обед.

Нельзя сказать, что люди, занимавшие многочисленные комнаты

уголовно-розыскной милиции, ничего не делали. Задерживались преступники, допрашивались пострадавшие, инспектора и агенты выезжали на места происшествий. Но это была не та работа, которая требовалась в то бурное время.

За прошедшие несколько недель я уже немного освоился со своим новым положением. Теперь мне уже не льстило, как раньше, внимание жильцов дома, исчез металл в голосе, я уже не поднимал воротника пальто и не смотрел исподлобья на всех встречаемых. Вообще, кажется, я стал взрослей. Миловский зачислил меня в группу, которая занималась расследованием квартирных краж, кстати говоря, самых многочисленных в то время.

— Я считаю, что Сухоруков оказывает на вас плохое влияние, — объяснил он свое решение. — Поработайте у Ерохина.

Почему Миловский увидел в Ерохине образцового воспитателя, не знаю. В восемнадцать лет легко делают себе кумира из личности, явно для этого не подходящей. Но Ерохин был настолько не похож на идеального героя, что уже при первом знакомстве ничего, кроме гадливого чувства, у меня не вызывал. Суетливый, низколобый, прыщавый, постоянно обливающий острым языком толстые губы, он был антипатичен и, кажется, сам это понимал, тщательно следил за внешностью. Волосы он смазывал бриллиантином, ногти полировал замшей и всегда носил с собой маленькое зеркальце, которое вынимал при каждом удобном случае.

Ерохин был владельцем единственной в уголовном розыске немецкой овчарки по кличке Треф. Треф ленью и чистоплотностью очень походил на своего хозяина. Уговорить его в непогоду выйти на улицу было сущим мучением, а в ограбленной квартире он интересовался абсолютно всем, кроме следов преступника. Но Ерохин относился к его слабостям снисходительно: за пользование ищейкой была установлена такса пятьдесят рублей, и хотя деньги падали в цене, количество краж стремительно увеличивалось, так что гонорар Ерохина был сравнительно стабилен. Самодовольство хозяина передавалось псу. Треф ходил с высоко поднятой головой и, беря след, словно делал личное одолжение обкраденному. Его красивые наглые глаза так и говорили: «Только попрошу без назойливости. Сами понимаете, пятьдесят рублей не такие деньги, чтобы из кожи лезть».

Потеряв след — а с Трефом это случалось частенько, — пес лениво тявкал, жевал и преспокойно усаживался у ног хозяина. А когда клиент начинал волноваться, вешивался Ерохин. «Постыдились бы, — говорил он осуждающе. — Старый мир гибнет, а вы за побитый молوى салоп держитесь. Пошли, Треф!»

Иногда все-таки украденное находили, и тогда гордости моего шефа не было предела.

— Революция начисто смела родословную аристократов, но никто не уничтожит родословную собак, — глубокомысленно морщил лоб. — У собак родословная — это все: нюх, красота, понятливость, благородство. Я предков Трефа до пятого колена знаю — чистейшей воды аристократы! — И в порыве любви к своему помощнику Ерохин просил: — Дай, дружище, лапу!

Треф смотрел на шефа и нехотя протягивал лапу. Честное слово, в этом жесте действительно было что-то благородное!

Как-то вечером Ерохин затащил меня в небольшое кафе у Покровских ворот. Тогда еще с продовольствием в Москве было сравнительно терпимо. Так называемый «классовый паек» ввели, если не ошибаюсь,

к концу 1918 года, в августе или сентябре. А продажа спиртных напитков уже была запрещена. Но Ерохин пошептался с юрким официантом, и тот поставил на наш столик маленький самовар.

— Крепкий чай! — подмигнул Ерохин и, перегнувшись через столик, шепотом сказал: — Смирновка, настоящая.

Я удовлетворенно кивнул головой, хотя водки мне пробовать не приходилось. За всю свою предыдущую жизнь я выпил всего две или три рюмки вина на свадьбе Веры, но не хотелось показывать своей неопытности.

— Ну, поехали, — приподнял стопку Ерохин.

Я выпил стопку залпом.

— Ты чего на певичку пялишься? Нравится? — допытывался Ерохин, упершись грудью в край стола. — Хороша девица? Хочешь познакомлю?

— Зачем?

— Ха-ха-ха! Ну, право слово, чудак! Не знает, зачем с девицами знакомится! Не бойсь, научу! С Ерохиным не пропадешь. Думаешь, дурак Ерохин? Нет, Ерохин не дурак. Ерохин придуривается. Ерохин знает, что с дураков спрос меньше. Ерохин жить хочет! Понимаешь, жить! Дурак Савельев. Сколько лет он в полиции? А что имеет? Кукиш с маслом да коллекцию тараканов. Не-ет, жить надо уметь. Война, революция — это все проходит. Побьют красные белых, белые красных, похоронят друг друга, а умные останутся. И жить будут, и водочку пить будут, и баб любить будут! Осознал?

— Подожди, подожди.

Со мной творилось что-то странное. Я слышал слова Ерохина, но смысл их как-то ускользал от меня, мысли терялись, растворялись в разгоряченной алкоголем голове.

— Подожди, подожди, — бормотал я, пытаюсь сосредоточиться и взять себя в руки, — что-то непонятно...

Ерохин поддел вилкой несколько маринованных маслят, засунул их в рот, проглотил. Провел по толстым губам остреньким язычком и пригладил без того гладкие, блестящие от бриллиантина волосы.

— А непонятно тебе, потому что еще сосунок, молочко на губах. Миловский и Сухоруков говорят, хлопаешь ушами да веришь всему. А на нашем деле только дурак не озолотится. У нас при Николае начальником сыска был Маршалк был. Три доходных дома имел, свой выезд, подвал всяких иноземных вин. Понял?

— Подожди, подожди, — повторял я с пьяной настойчивостью. — Давай разберемся.

— А мы и разбираемся. Сам живешь и другим давай. Верно?

— Верно, — подтвердил я, еще не понимая, куда Ерохин клонит.

— Вот, к примеру, то дело в гостинице «Гренада»... Ну, помнишь, актеру в номере обворовали? Ну там кулон, сережки... Помнишь? Ты это дело швейцару клеишь...

— То есть как это «клею»? — Я почувствовал, что трезвею. — Я никому никаких дел не клею. Против него три показания...

— Два показания, три показания... — перебил меня Ерохин. — Что мы, на уроке арифметики, что ли? Ты же умный парень. При чем тут показания? Старика-то жалко. Две дочери у него, бедняги, на выданье, сам голышом ходит... По-человечески-то жалко его.

— Ну, на бедного он не похож. Валюты у него будь здоров!

— Да пойми, дурья голова, зачем тебе его сажать? Выслужиться, что ли, хочешь?

Я встал.

— Сколько с меня за выпивку?
— Благородный? Взятку не берешь? — Физиономия Ерохина поблагоговела, на низеньком лбу поблескивал пот. Он теперь походил на разъяренного хоряка. — Перед Советской властью не выслужишься. Дворянин небось? Ничего, недолго ждать: всех в ставку к Духонину отправят, к стеночке рядочком поставят. И тебя, и Горева, и Савельева... Всех, всех! Пролетарское происхождение не выслужишь, за столом трудовых мозолей не натрешь!

Я начал пробираться к выходу, обходя тесно поставленные столики. У гардеробной меня нагнал Ерохин, схватил за локоть, жарко зашептал в ухо:

— Обиделся, чудак? Ишь какой обидчивый. Раз-два — и обиделся. Шутки, что ли, не понимаешь?

— Хороши шуточки!

— А что, и пошутить нельзя? Контрреволюция? Ведь я тебя, чудака, испытывал. Миловский просил, ей-богу. Испытай, говорит, Белецкого. Узнай, чем дышит... Вот я и испытал. Не веришь? Хочешь, побожусь? Не хочешь? Ты дружбу Ерохина не теряй, пригодится...

Я с трудом вырвался из его цепких рук и вышел из кафе.

***** X

ПРОСНУЛСЯ я раньше обычного. Во рту было мерзко, к голове словно кто-то привязал кирпич, я никак не мог оторвать ее от подушки. Умываясь, я все вспоминал вчерашний вечер, гадкий, сумбурный. Обидней всего было, что Ерохин со своим предложением обратился не к кому-нибудь, а ко мне. Неужто я произвожу такое впечатление? Или он просто решил, что с мальчишкой легче договориться? Ну и дрянь! Я, говорит, не дурак, а умный. А вот Горев и Савельев дураки. Белые похоронят красных, а красные белых, а потом он и вылезет из щели и будет жить в свое удовольствие. Да, накопил он на таких делах, наверно, порядочно. Я вспомнил, что краденое Ерохин почему-то всегда обнаруживал не у воров, а уже у барыг. Ну, конечно, Виктор еще говорил, что это подозрительно. Наверно, получает мзду с воров, да еще с клиентов. Клиентам-то главное вернуть обратно свои вещи, а у кого они окажутся, у воров или перекупщиков, им все равно. А ворам лишь бы продать. Вот он и мухлюет. А я тоже хорошо: нашел с кем пить. Работник уголовного розыска, который пьет подпольную водку! И вообще, зачем мне пить? «Сегодня же доложу обо всем Миловскому, обязательно», — твердо решил я, выходя из дому.

Ерохин обычно приходил на работу с опозданием. Но сегодня он уже сидел за столом и одним пальцем перепечатывал на машинке протокол осмотра места происшествия.

— Опаздываешь?

Я молча кивнул на часы: было без двадцати восемь.

— А-а, — протянул он и, не поворачивая ко мне головы, спросил:

— Побежишь капать?

— Не капать, а докладывать о происшедшем.

— До-кла-дывать? — пропел издевательски Ерохин. — Ишь какой, из молодых, да ранних. Докладывать! Ну, и докладывай. Только учти: веры мне побольше, чем тебе. Скажу: мальчишка мне предлагал взятку, а я отказался, вот он и полез в амбицию, решил провокацией заняться. Ну тебя и того... за решеточку. Понял? «Солнце всходит и заходит, а в тюрьме моей темно...» Сейчас как в приговорах пишут? «Определить в место заключения до полного торжества мировой ре-

волюции». Вот и посидишь до полного торжества. А торжество, видеть, не скоро будет...

Какая все-таки гадина! Какая гадина!

— О мировой революции хоть бы помолчали.

— А чего мне о ней молчать? — продолжал издеваться Ерохин. — Все говорят, а я молчать буду? Я, дорогой, полноправный гражданин республики, беспартийный большевик, так сказать.

Ударил я его, не замахиаясь, снизу, как бил во время драк с реалистами.

Ерохин замолчал, посмотрел на меня недоумевающими слезящимися глазами. Из носа его вяло побежала на подбородок струйка крови. Он достал платок, прижал его к носу, запрокинул голову и только тогда почти удовлетворенным тоном сказал:

— Драться? Я тебе покажу драться. Ты у меня, гнида, узнаешь, как честных работников избивать. Сейчас же иду к Миловскому. Понял?

Он встал и, не отнимая носового платка от носа, вышел из кабинета.

— Иди куда хочешь! — крикнул я вслед.

Но он уже меня, видимо, не слышал. Я схватил графин, выпил подряд два стакана застоявшейся, тепловатой воды и для чего-то повторил: «Иди куда хочешь!» Потом я свернул самокрутку и закурил.

Что-то теперь будет? Я знал, что Миловский не выносил ссор между сотрудниками, а всего ему объяснять не будешь. Да и не поверит он. Это Ерохин правильно сказал, что веры ему больше. Зачем мне надо было его бить? Ведь он специально меня провоцировал...

Скрипнула дверь. В комнату заглянул делопроизводитель Кудрин, тихий паренек, почему-то носивший полное полевое снаряжение офицера-артиллериста.

— Начальник кличет.

Я шагал по коридору впереди Кудрина. Я понимал, что уж теперь ничего не поделаешь. Все. Свидетелей у меня нет, а у Ерохина свидетель — окровавленный нос. Без стука — Миловский считал эту церемонию антидемократической — я распахнул дверь кабинета и переступил порог.

— Стучать нужно! — остановил меня резкий голос.

Я поднял глаза. За столом Миловского сидел плечистый и, видимо, высокий человек в черной кожанке и недружелюбно глядел на меня хмурыми, слегка косящими глазами. Я нерешительно остановился у двери.

— Сергея Арнольдовича нет? — неожиданно для себя самого робко спросил я.

— Он здесь больше не работает, — коротко объяснил человек в кожанке, по-прежнему разглядывая меня своим холодным, оценивающим взглядом.

Только тут я увидел Ерохина, сидящего на краешке стула у стола.

— Чего ждете? — повернулся к нему новый хозяин кабинета. — Разговор закончен.

Ерохин подскочил, как подброшенный пружиной.

— Товарищ Медведев!

— Ну?

Ерохин скомкал носовой платок, сунул его в карман брюк и вытянулся, словно на смотре.

— Осмелюсь доложить, что увольнять меня никак нельзя.

— Это еще почему?

— Розыск останется без единственной служебной собаки, товарищ Медведев!

— Не останется. Собаку реквизируем.

— Невозможно, товарищ Медведев, она никого, кроме меня, слушаться не станет! Она...

— Вся Россия слушается, — без улыбки сказал новый начальник, — как-нибудь и с собакой управимся. Что еще?

Ерохин открыл рот, потом снова его закрыл. В таком жалком состоянии своего шефа я еще ни разу не видел.

— Разрешите идти, товарищ Медведев?

— Идите.

Ерохин неслышно вышел из кабинета. На столе лежал его разобранный пистолет. Медведев постучал длинными сильными пальцами по стволу пистолета, подбросил его на ладони и буркнул:

— Больше ржавчины, чем стали. Вот так и все ваше учреждение...

Позже я узнал, что, когда Ерохин влетел в кабинет к новому начальнику с жалобой на меня, тот первым делом попросил его показать оружие и, увидев, в каком оно состоянии, тут же распорядился о его увольнении.

— Ноги не устали? Садитесь.

Я сел на тот самый стул, на котором несколько минут назад сидел Ерохин. Сел так же, как и он, на краешек. Потом это мне показалось унижительным, я передвинулся, облокотился на спинку и даже заложил ногу на ногу. Медведев молча наблюдал эти манипуляции, и под его упорным взглядом я чувствовал себя очень неуютно.

— С какого работаете в розыске?

— С декабря прошлого года.

— Все время у Ерохина?

— Нет, вначале у Савельева.

— В операциях по ликвидации бандитских групп участвовали?

— Нет.

Вопросы следовали один за другим. И ответы на них невольно свидетельствовали о моей ничтожности. Разве я мог объяснить Медведеву, что я не отлынивал от настоящих дел, а просто меня к ним не подпускали.

— Ваше оружие.

Я достал пистолет и положил его на стол рядом с револьвером Ерохина.

— Удостоверение.

Медведев просмотрел удостоверение и спрятал его в ящик.

— Все.

— Что все? — не понял я.

Этот вопрос, наверно, прозвучал глупо, потому что Медведев ухмыльнулся и, прищурившись, пояснил:

— «Все» означает, что вы свободны, драться будете на фронте.

Вот и закончилась моя недолгая работа в уголовном розыске. Да, «все» означает, что я свободен: свободен от дежурства, от участия в патрулировании, в облавах, в засадах, от совместной работы с Савельевым, с Виктором, Горевым. Впрочем, может быть, это и к лучшему? В конце концов, какой я к черту сыщик?!

Придя домой, я сел за длинное письмо Вере. Не жалея красок, я расписывал ей, какое я ничтожество, но пусть она не думает, что я потерянный человек; на фронте я смогу доказать, на что я способен. Письмо получилось длинное и несвязное. И как раз, когда думал, отправлять его или не отправлять, ко мне вошел Виктор.

— Пошли.
— Куда?
— В розыск, разумеется. Медведев вызывает.
— Не пойду.
— То есть как не пойдешь?
— Не пойду и все.
— Ну, знаешь... — Виктор развел руками.
— Я никому не позволю над собой издеваться, — сказал я дрожащим голосом.

— Истерику ты мне прекрати. — Виктор начинал злиться. — Обиделся, видите ли. Оскорбили мальчика. Ты что, считаешь, что он должен был тебя по головке гладить? Сначала пьянствовал с Ерохиным, потом драку с ним затеял, а теперь нюни распустил. Ты действительно не понимаешь, что натворил? А ну быстро одевайся. Только морду ополосни.

Честно говоря, я ждал, что Медведев встретит меня по-другому. Но разговор был ненамного приятней первого.

— За вас ручается Сухоруков. Сухорукову я верю. Мне приходилось с ним встречаться во время моей работы в ВЧК. — Он помолчал, словно взвешивая слова. — Но учтите, за его спиной вам спрятаться не удастся...

Я довольно резко заявил, что ни за чьей спиной прятаться не собираюсь, что я могу полностью отвечать за свои поступки.

— И будете за них отвечать, — сказал Медведев, — полной мерой. А теперь возьмите свое имущество. — Он показал глазами на пистолет и удостоверение. — В следующий раз увольнять не стану. Передам в трибунал.

***** XI

В ДЕЖУРКУ вошел Арцыгов, ладный, веселый; скоморошничая, приложил два пальца к папаше.

— Осмелюсь доложить, начальство приказало свистать всех наверх. Совещание.

— Вольно, — махнул рукой Груздь.

Скаля зубы, Арцыгов подмигнул мне:

— Новое начальство — старые речи. Карты прихватил, гимназист? В терц перекинемся. Часа три для начала проговорит.

Но в тот вечер в карты мы не перекинулись. Речь нового начальника, если ее можно назвать речью, продолжалась всего десять минут.

Медведев оглядел комнату, заполненную сотрудниками, и не спеша достал из кармана тужурки газету.

— Мне говорили, что не все работники розыска следят за газетами, поэтому я прочту одно маленькое объявление. Вот оно: «Во время эвакуации Народного комиссариата по иностранным делам из расхищенных в вагонах вещей и документов считать недействительными два фельдшерских свидетельства от Военно-автомобильной школы и одно — запасной автомобильной роты на имя Сергея Павловича Озерова и Петра Николаевича Николаева и другие удостоверения указанных лиц. Просьба к расхитителям, — тут Медведев на этих словах сделал ударение, — прислать таковые: Москва, Воздвиженка, Ваганьковский, 8, Озерову. Будет выплачено соответствующее вознаграждение». Это исчерпывающая оценка работы уголовной милиции, которая, по существу, является не работой, а саботажем. Да, контрреволюцион-

ным саботажем, который наносит неизмеримый ущерб советской власти. И с ним будет покончено. Как известно, уровень раскрываемости преступлений в бывшем сыском отделении составлял 45 процентов. Сейчас он равен 15 процентам. Будет он не менее 50 процентов. Кто не в состоянии этого добиться, пусть подаст заявление об уходе.

Второе. В ВЧК поступают сведения о взяточничестве в уголовном розыске и о злоупотреблениях служебным положением. Людям, нарушающим основные принципы революционной законности, не место в наших рядах. Все имеющиеся сведения будут мною тщательно проверены, и на головы виновных упадет карающий меч революционного возмездия. Об организационной перестройке вы узнаете завтра из моего приказа, а новые требования усвоите во время практической работы.

Когда, ошеломленные и растерянные, мы выходили из комнаты, меня взял за плечо Груздь.

— Слыхал? Это тебе не Миловский. Факт. Если рассуждать диалектически, настоящий бандиец.

— Моряк? — заинтересовался Виктор.

— С крейсера «Рюрик». Кремень мужик. Он в нашем хлеву наведет порядочек...

Вместе с Медведевым в уголовный розыск из ВЧК перешли еще несколько человек, среди них пожилой рассудительный Мартынов, служивший до революции вагоновожатым в Уваровском трамвайном парке, и питерский рабочий смешливый Сеня Булаев.

В розыске были созданы боевая дружина, особая группа для борьбы с бандитизмом, и летучий отряд, который должен был пресекать карманные кражи.

Начальником особой группы Медведев назначил Мартынова. В группу вошли Груздь, Сеня Булаев, Горев, Савельев, Виктор и еще человек десять — пятнадцать. А через неделю по ходатайству Сухорукова туда включили и меня.

Если наша группа состояла из работников розыска, то боевая дружина, по существу, была воинской частью, насчитывавшей в своих рядах восемьдесят бойцов. Она находилась на казарменном положении и помимо винтовок была вооружена еще двумя станковыми пулеметами. Правда, через месяц пулеметы отобрали и передали маршевой роте, которая отправлялась на фронт.

Начались горячие дни. Вместе с ВЧК и красногвардейцами мы провели крупную операцию в районе Верхней и Нижней Масловки, ликвидировали крупную шайку, занимавшуюся контрабандой торговых наркотиками, уничтожили бандитскую группу Водопроводчика в Марьиной роще. Но Медведев не был удовлетворен первыми результатами. Он хотел большего и исподволь готовил операцию на Хитровке, которую вполне обоснованно считал центром бандитизма в Москве.

Одновременно он занялся чисткой аппарата. Приказом по уголовному розыску пять бывших полицейских были отстранены от работы и привлечены к уголовной ответственности по обвинению во взяточничестве. Вскоре пронесся слух, что их вина подтвердилась и по постановлению ВЧК они расстреляны. К Медведеву поступило двенадцать заявлений от старых работников с просьбой об увольнении. Кое-кто из подавших заявление чувствовал за собой грешки, но большинство поступило так из чувства солидарности. Однако все двенадцать были уволены, никого из них Медведев не уговаривал остаться на работе.

Приказы об увольнении следовали один за другим.

— С кем прикажете работать? — пожимал плечами Горев. — С мальчишками? С представителями доблестного про-ле-тариата? Ну, понимаю, выгнать Ерохина, Корсунского, но лишиться таких сотрудников, как Иванов и Грузинский? Бессмыслица, преступление, наконец.

Так думал и говорил не только Горев. Мне действия Медведева тоже казались ошибкой. И только потом я понял, насколько он был прав. Действительно, у подавляющего большинства тех, кто остался, не было опыта, но зато у них было то, чего не хватало старым работникам, — энтузиазм. Перед Медведевым было два пути: штопать прогнившее или выбросить его на свалку, заменив новым. Он выбрал второй путь, более рискованный, но зато и более действенный, обновив аппарат розыска почти на три четверти. Развернувшиеся вскоре после этого события подтвердили правильность его решения.

***** XII

НОЧЬЮ я участвовал в облаве на Сухаревке. При Миловском сотрудники, принимавшие участие в ночных операциях, могли являться во второй половине дня, теперь же каждый должен быть на своем рабочем месте к восьми утра. Сейчас — только половина восьмого, но в большой комнате, примыкавшей к дежурке, собралось человек десять. Здесь сидели Арцыгов, Груздь, ребята из боевой дружины. Все они плотным кольцом окружили Сеню Булаева, который со вкусом что-то рассказывал. Сеня не говорил, но играл. Голос, мимика и жесты у него были такими, что мог бы позавидовать и профессиональный актер. Я протолкался поближе к рассказчику.

— А, гимназист! — повернулся ко мне Арцыгов. — Небось тоже любишь цирк?

— А кто его не любит? — развел картинно руками Сеня. — Все любят... Значит, было это на второй день после приезда из Питера. Ну ладно, приходим, суем мандаты — нас в директорскую ложу.

— С Сеней не пропадешь! — подмигнул Арцыгов, скаля белоснежные зубы.

— А ты думаешь! Ну вначале все как положено: собачки прыгают, лев по бревну, как мы по улице, ходит, гимназисты под самым куполом всякие сносшибательные фокусы показывают. А потом выходит клоун и начинает жарить куплеты. Что ни куплет, то советскую власть кроет. Терпел я, терпел, а потом немоготу стало. Для чего, думаю, революцию делали, свою рабоче-крестьянскую кровь проливали?! Говорю Гофману: «Иосиф, давай его возьмем». Он мне на ухо: «Хорошо. Сразу же после представления пойдем за кулисы». «Нет, — говорю, — сейчас!» Он меня уговаривать, а я — ни в какую. Не могу терпеть больше подобного безобразия. Вынимаю браунинг и — на арену, Иосиф, натурально, за мной...

— Врешь! — хохотнул кто-то из слушателей.

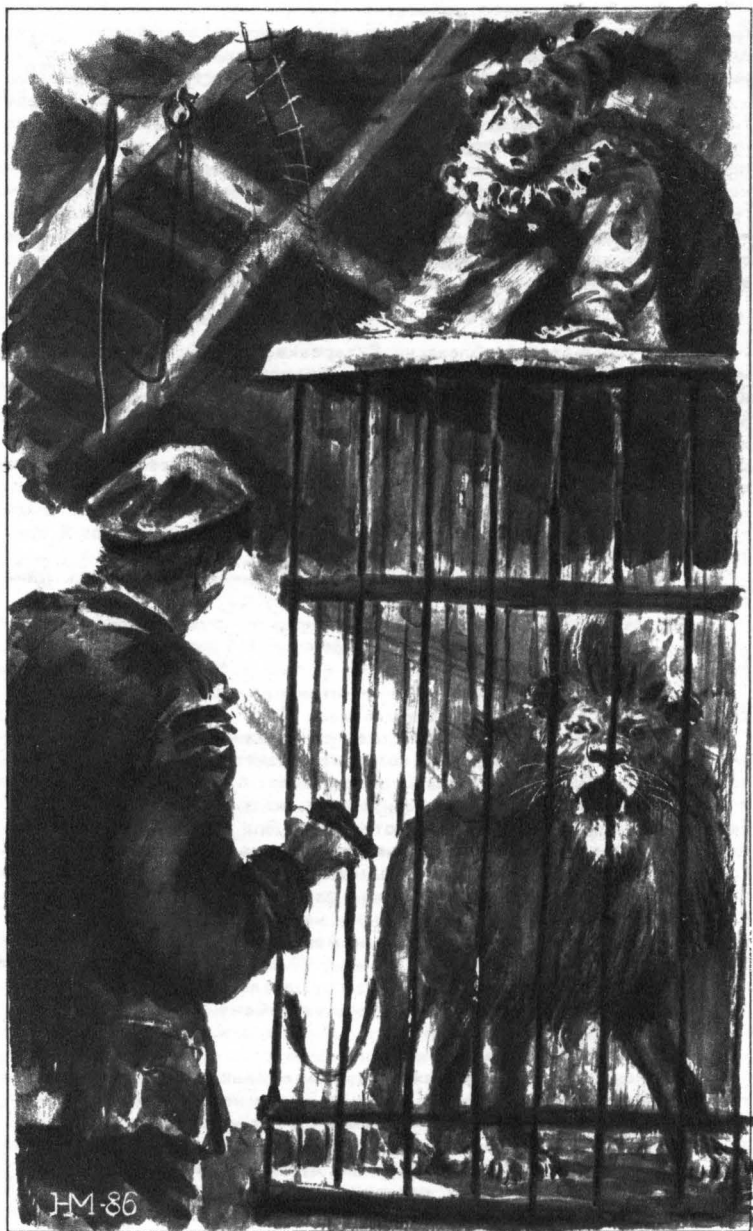
— Спросишь у Гофмана, — отмахнулся Сеня.

— А он в Москве?

— Нет, в Оренбурге.

Когда смех утих, Сеня выхватил у молоденького красноармейца только что закуренную сигарку и как ни в чем не бывало продолжал:

— Подскакиваю я, значит, к этому клоуну и говорю: «Предъявите документы!» Публика в ладоши бьет, какая-то дамочка даже «браво» кричит. Восторг неописуемый! Откуда, думаю, такая сознательность? А потом дошло: за «рыжих» нас приняли. Но тут, натурально, не до публики. Клоун сначала растерялся, глазами захопал, а потом смекнул,

в чем дело, и колесом за кулисы, драпанул, значит. Мы за ним. Гофману кто-то подножку подставил — он падает и в потолок бабахает. А я жму дальше. Гляжу, клоун на клетку со львом прыгает. «Слазь, — говорю, — стервец, стрелять буду!» Молчит и не слазит. Я смотрю на него, он на меня, а лев на нас обоих. Что тут будешь делать? «Э, — думаю, — где наша не пропадала! Отдам свою молодую, цветущую жизнь во славу революции». Зажимаю браунинг в зубах и начинаю карабкаться на клетку. Гляжу, лев тоже контрреволюцию поддерживает: рычит и хвостом себя по бокам хлещет.

— Ой, не могу, — застонал, захлебываясь смехом, рыжий парнишка из дружины. — Уморил!

— Смешно подлещу, — снисходительно кивнул в его сторону Сеня. — Мне тогда, братцы, не до смеха было. Сами посудите, лев хоть и царь зверей, а животное все-таки неразумное, ему ситуации не разъяснишь: откусит полноги, а потом привлекая его к ответственности! Но на клетку вскарабкался я все-таки благополучно. Стою на четвереньках, оглядываюсь. — Сеня присел и завертел головой, — а клоуна нет: успел уже на другую клетку перескочить и рожи мне оттуда строит...

Дослушать окончание походов Сени Булаева мне не удалось. Ко мне подошел Виктор и потянул за рукав.

— Пошли, Медведев вызывает.

— Зачем?

— Зайдешь — узнаешь.

В кабинете Медведева было сильно накурено. Махорочный дым щипал глаза. «Всю ночь они, что ли, здесь просидели?» — подумал я, вглядываясь в лица сидящих.

— Продолжайте, Петр Петрович, — бросил Мартынов, когда дверь за нами закрылась.

— Я, собственно говоря, уже кончил, — каким-то лающим голосом ответил Горев. — Мое мнение можно сформулировать в нескольких словах: если господин Медведев желает кончить жизнь самоубийством, то для этого совсем необязательно отправляться на Хитровку. Он может прекраснейшим образом пустить себе пулю в лоб, не покидая этого кабинета.

— Зачем же так, господин Горев? — как будто обиженно сказал Мартынов. — Дело, конечно, рискованное, но не такое уж безнадежное, а вы сразу зауспокойную тянете...

Медведев постучал ладонью по столу.

— Внимание, товарищи! Мы не на митинге. Дискуссию открывать не будем. Просто Горева, видимо, неправильно информировали. Вопрос с операцией решен, план ее разработан, так что спорить по этому поводу ни к чему.

— Тогда покорнейше прошу прощения, — наклонил голову Горев.

— Ну, ну, зачем же такое смирение? — добродушно усмехнулся Медведев. — Все равно не поверим. Но ближе к делу. Надежная агента у вас на Хитровке есть?

— Что вы понимаете под словом «надежная»?

— Видимо, то же самое, что и вы. Нужны две явки. Сможете их обеспечить?

— Только такие, где бы в спину нож не всадили, — вставил Мартынов.

— Думаю, что смогу.

— Думаете или сможете? Как говорят в Одессе, это две большие разницы.

— Смогу.
— Вот и хорошо. Инструктаж Сухорукова и Белецкого возьмете на себя. Ознакомьте их с планом операции.

Из кабинета Медведева мы вышли вместе с Горевым.

— Что за операция?

— Не терпится? — усмехнулся Горев. — Сейчас узнаете. Прошу. —

Он открыл дверь комнаты и пропустил нас вперед. — Должен подойти еще Федор Алексеевич, но, я думаю, мы можем начать и без него. Присаживайтесь.

Мы с Виктором уселись на маленький потертый диванчик, стоящий у стены напротив письменного стола.

— Ну так вот, молодые люди, то, чем нам сейчас предстоит заниматься, уравнение со многими неизвестными. Надеюсь, господин Белецкий, вы еще не забыли математику и представляете себе, что это такое? Впрочем, свою точку зрения на эту весьма рискованную затею я уже высказал господину Медведеву, он ее не разделяет. Так что больше говорить по этому вопросу я не собираюсь, в конце концов, это не входит в мои функции. Я исполнитель. Несколько дней назад из Московской чрезвычайной комиссии нам сообщили, что они располагают агентурными данными о том, что на Хитровке готовится нападение на правление Московско-Курской железной дороги. К агентурным данным со стороны я отношусь критически. Чаще всего это плоды фантазии того или иного сотрудника, который должен объяснить начальству, куда уходят отпущенные деньги. Ерохин, когда с него требовали отчета, тоже ссылаясь на агентуру... Поэтому мною было проверено сообщение МЧК. И оно подтвердилось. Действительно, готовится ограбление, и, видимо, в нем примет участие вся головка Хивы, так называемый атаман Хитровки Разумовский, Мишка Рябой и прочие сливки местного общества. В связи с этим я предложил усилить охрану правления, направить туда наших людей и провести ряд целевых облав на Хитровке, но господин Медведев со мной не согласился, он выдвинул свой план: ввести в бандитскую группу под видом уголовного работника розыска.

— Здорово, — сказал Виктор.

Горев иронически на него посмотрел.

— Вы так считаете, потому что слишком мало знаете Хитровку. Наша работа не терпит дилетантов. Здесь одной смелости мало. Вы помните, как погиб Тульке?

— Один погиб, другой останется в живых, — упрямо сказал Виктор.

— Дай бог, дай бог. Мне бы вашу уверенность.

— Кто же пойдет на Хитровку?

— Медведев.

— Шутите? — спросил Виктор.

— Я лично не шучу, что же касается господина Медведева, то можете у него поинтересоваться.

— Дела... — протянул Виктор.

Меня тоже ошеломило сообщение Горева. Так вот почему он тогда говорил о самоубийстве!

Довольный произведенным эффектом, Горев немного помолчал, словно давая нам возможность самим убедиться в абсурдности затеваемого, и уже другим тоном сказал:

— Медведев должен войти в шайку под видом петроградского налетчика Сашки Косого. Его на Хитровке не знают или во всяком случае не должны знать. Наша непосредственная задача обеспечить,

насколько это возможно, охрану Медведева и поддерживать с ним связь...

Скрипнула дверь, и в комнату вошел Савельев.

— Относительно сегодняшнего разговора?

— Да, — кивнул Горев.

— Любопытное дельце, любопытное. Только уж больно рискованное! Придется потрудиться, ох, как придется! Миловский бы на такое никогда в жизни не пошел — не на тех дрожжах замешен...

Горев сердито на него посмотрел и вдруг улыбнулся:

— Зажегся?

— Зажегся, — чуть смущенно признался Савельев.

С его приходом все как-то оживилось. Мы приступили к обсуждению деталей предстоящей операции. Она поистине была уравнением со многими неизвестными. Просидели у Горева часа три.

XIII

Я СЛЫШАЛ, что при уголовном розыске числится гример, он же костюмер, Леонид Исаакович. Но мне он казался чем-то вроде несуществующего персонажа из прочитанного когда-то в детстве. Поэтому, когда Горев предложил мне загримироваться и переодеться, я растерялся. Петр Петрович это заметил.

— Напоминает игру в казаки-разбойники? — спросил он и объяснил: — Самое идеальное было бы направить на Хитровку людей, которые там еще ни разу не были. Но, к сожалению, в Хиве совершенно не знают только Медведева.

— Но я же там был всего один раз...

— Поэтому вас и направляют. Но один раз — это тоже много. Правда, с Севостьяновой вы, по замыслу, встречаться не должны. Но кто может дать гарантию, что такая встреча не произойдет? А Леонид Исаакович — мастер своего дела.

Гример помещался в клетушке, больше напоминающей чулан. Здесь пахло клеем, пылью, пудрой и еще чем-то паленым. Леонид Исаакович, щуплый, подвижный человек лет сорока, встретил меня радушно.

— Присаживайтесь, молодой человек, присаживайтесь. Кого же из вас сделать? Князя, шулера, коммерсанта, гвардейского офицера? Хотя да, князей и гвардейских офицеров уже нету. Остались только бывшие дворяне и военспецы. «Бывшие» грустно звучит, не правда ли? Бывший человек — сегодняшняя болячка, любил говорить мой старший брат. Очень умный человек был, но всегда делал не то, что требовалось. Когда нужно было кормить семью, он молился богу, а когда нужно было молиться богу, чтобы прекратились еврейские погромы, он начал печатать революционные листовки... И даже умер не вовремя — 25 октября 1917 года, когда только нужно было начинать жить...

Леонид Исаакович действительно был мастером своего дела. Когда через пятнадцать минут я стал перед зеркалом, я себя не узнал. На меня смотрела испитая физиономия типичного золоторотца, как часто называли тогда босняков.

— Ну так как вы себе нравитесь в таком виде? — поинтересовался Леонид Исаакович, довольный делом своих рук. — А теперь разрешите вам предложить соответственный смокинг и штiblеты.

Он вытащил из шкафа опорки, залатанные штаны, засаленную куртку с оборванными пуговицами и помог мне все это натянуть на себя.

— Вот теперь вас и мама не узнает. Хотя нет, мама все-таки узнает, на то она и мама. Мой старший брат говорил, что мама даже в мерзавце узнает своего сына, она не может только разглядеть в своем сыне мерзавца. Очень метко сказано, не правда ли?

Итак, с этой минуты я уже не бывший гимназист, не агент третьего разряда Московской уголовно-розыскной милиции и даже не Александр Белецкий, а новый житель вольного города Хивы, племянник почетного гражданина одного города Николая Яковлевича Баташова, уклоняющийся от призыва в Красную Армию и сегодня приехавший в Москву из Тулы. Такова была вкратце легенда, которой снабдил меня Савельев. Она подтверждалась паспортной книжкой, адресованным мне в Тулу письмом любимого дядюшки и серебряным портсигаром с трогательной надписью: «Костику в день его ангела от родителей».

Вручив мне все эти доказательства того, что я именно тот, за кого себя выдаю, Савельев сказал:

— Напоследок советую вам также запомнить пять заповедей, которых я всегда придерживаюсь. Первая — никогда не считать, что вы имеете дело с людьми глупее вас. Вторая — свято, но не слепо придерживаться полученной инструкции. Третья — всегда и везде быть готовым к неожиданностям. Четвертая — не думать, что храбрость может заменить ум, а смелость — находчивость. И последняя — уметь все замечать и запоминать.

В зиму восемнадцатого года пострадали многие дома. Не хватало дров, поэтому жильцы ломали деревянные балкончики, отдирали плинтусы, рубили ставни. Но особенно досталось Хитровке. После Октябрьской революции большинство нанимателей квартир отсюда сбежало, и хитровцы, предоставленные сами себе, растащили все, что можно. Обитатели многочисленных ночлежек ломали нары, выворачивали доски пола, ворошили деревянные крыши. А большой навес посредине площади исчез еще в декабре. Рынок выглядел так, словно здесь только вчера прошли орды Чингисхана. Относительно сохранилась только Кулаковка: Утюг и Сухой Овраг, расположенные между площадью и Свиньинским переулком.

Хитровка никогда не отличалась чистотой, а теперь, когда подтаял снег и покатались вниз с прилегающих переулков многочисленные грязные ручейки, она походила на громадную выгребную яму.

Рынок по-прежнему был многолюден: что-то клеили, шивали и латали местные сапожники и портные, канючили покрытые всевозможными болячками нищие. У зловонных куч с отбросами копались ребятишки. Может быть, среди них был и Тузик. Когда мы его принесли с Виктором от Севостьяновой, он пролежал у меня недолго и, немного окрепнув, ушел. Неужто опять к Севостьяновой?

Мне нужно было найти Баташова, одного из немногих наших агентов на Хитровке. Миловский вообще выступал против агентуры, считая ее «наследием проклятого прошлого». «Агент — это предатель», — говорил он. — Агент предает своих товарищей. Полиция, создавая агентуру, тем самым растлевала людей, лишая их чести, совести, товарищества, культивируя психологию индивидуализма, корыстолюбия. Мы должны навсегда избавиться от подобных методов». Теоретически все это было очень благородно и красиво, а фактически дело дошло до того, что уголовный розыск не имел представления о происходящем.

«Новые установки мне ясны. Все ясно, кроме двух маленьких моментов», — говорил Горев, — чем я должен здесь заниматься и за что получать зарплату».

Баташов в недавнем прошлом считался наиболее удачливым «стрелком по письмам», как называли профессиональных нищих, специализирующихся на письменных просьбах о помощи. От своих собратьев по ремеслу он отличался оригинальностью стиля и недюжинным знанием человеческой природы. Он не перечислял своих несчастий, не жаловался на судьбу, не благословлял заранее благодетеля.

«Милостивый государь! — писал он, например, купцу первой гильдии, известному богачу «с чудинкой» Палкину. — Хотя я и знаю, что Вы подлец, каких мало, но много выхода у меня нет. Мне позарез нужны деньги, и минимум пять рублей. Указанная скромная сумма мне требуется не на хлеб, без которого по Вашей милости и по милости Вам подобных я уже научился обходиться, а на водку. В ожидании денег неуважающий Вас, в прошлом такой же мерзавец, как и Вы, а в настоящем житель вольного города Хивы Николай Баташов».

Видимо, ядовитые, наглые строки приятно щекотали заплывшие жиром мозги и нервы. Во всяком случае резкое письмо Баташова к Палкину не осталось без ответа. Рассказывали, что Палкин даже коллекционировал образчики его писем. Деньги у Баташова не переводились. Но революция подорвала его благосостояние: богатые люди исчезли. Тогда он сам пришел в уголовный розыск и предложил свои услуги: «Готов служить верой и правдой. Не за страх. А за совесть не говорю, ибо последней не имею».

Так ли все это было или не совсем так, судить не берусь. За время работы в уголовном розыске мне пришлось услышать много затейливых историй. Мне рассказывали о поминальнике Сашки Семинариста, куда знаменитый бандит заносил фамилии убиенных, чтобы затем на досуге помолиться за спасение их душ, о поездке Анны Севостьяновой в Париж под видом русской графини, у которой якобы был роман с гвардейским офицером. А в 1927 году налетчик Васяка Коршун на допросе «признался» мне, что он побочный сын Николая II, и представил в доказательство своих слов связку писем на розовой бумаге... Но, как я потом достоверно узнал, Сашке Семинаристу некогда было заниматься поминальником, Севостьянова никогда не покидала Москвы, а Николай II не принимал участия в появлении на свет в деревне Малицы в семье мельника Оглохимова седьмого по счету сына Васьки. В чем в чем, а в этом самодержец всяя Руси не повинен. Просто люди дна, пытаясь разукрасить свою грязную, бедную событиями и интересами жизнь, создавали по образцам сочинителей бульварных романов «завлекательные истории», обставляя сцену своего незавидного бытия пышной декорацией выдуманных событий и фактов.

В действительности все было проще, грязней и омерзительней. Впрочем, то, что относится к Баташову, выглядело довольно правдоподобно, с такими, как он, я встречался и позднее.

Судя по манере держаться, разговаривать, Баташов знал лучшие времена. Вряд ли он был отпрыском голландского короля или царского министра Витте, но в прошлом, до того, как спиться и оказаться на Хитровке, он, видимо, занимал какое-то место под солнцем и, наверно, получил соответствующее образование. Что же касается его писем, то и в них можно поверить: купечество любило выдумывать себе причуды, которые считались своего рода показателем благосостояния и находились в прямой зависимости от размеров нажитого капитала. Если какой-нибудь купчишка заявлял о себе разбитым зеркалом в ресторане, то Солодовников, например, или Хлудов могли позволить себе что-нибудь пошикарней. Знай наших!

Я подошел к трехэтажному дому, расположенному сразу же за Утюгом и, кое-как перебравшись через огромную лужу, на которой островками возвышались холмики ржавых жестянок и еще какой-то дряни, остановился у косо висящей на одной петле двери. Здесь я был зимой вместе с Сухоруковым, Савельевым, Горевым. Вон и фонарь, возле которого лежал труп Лесли. Да, Арцыгов отделался ничем. А сейчас что же, дело прошлое...

Я начал подниматься по ступенькам. Главное — не встретиться с Севостьяновой или Тузиком. Правда, узнать меня, по утверждению Леонида Исааковича, могла бы только мать родная, но осторожность прежде всего. До ночлежки я добрался благополучно.

— Где Николай Яковлевич? — спросил я у первого попавшегося мне оборванца.

— А ты кто такой? А, племяш! Ну давай, сейчас покажу.

Он провел меня в закуток между двумя рядами трехъярусных нар и, нагнувшись, крикнул:

— Вылазь, Яковлевич!

Под нарами послышалось недовольное ворчание и сухой кашель, будто кто-то отщелкивал костяшками на счетах.

— Слышь, сродственник приехал!

Показалась неряшливая седая голова, осыпанная перхотью, блеснуло пенсне. Истощенное узкое лицо, горбатый нос в склеротических жилках, на худой шее сдвинутая набок «бабочка». Да, мой новоявленный дядя ни красотой, ни чистоплотностью не отличался. Ко всему прочему он еще, кажется, был пьян. Оборванец не уходил, а с соседних нар на меня с любопытством — или мне это только казалось — смотрело несколько пар глаз. Во всяком случае мешкать было нельзя.

— Дядя Коля! — сказал я ненатуральным голосом. — Это я, Костя.

Баташов уставился на меня воспаленными глазами и, кажется, в них мелькнула искорка разума.

— Костя? Приехал!

Он схватил мою голову и прижал ее к своей груди, дохнув на меня винным перегаром. Так играют встречу родственников в плохих провинциальных театрах. Но оборванец не был избалован талантливым исполнением. Судя по всему, он был удовлетворен и, «сделав мне ручкой», отправился по своим делам. Исчезли головы любопытных и с соседних нар.

Итак, худо ли, хорошо ли, но встреча любящих родственников состоялась.

***** XIV

ОТ БАТАШОВА требовалось немного. Он должен был представить меня хозяину ночлежки в качестве своего племянника и поместить рядом с собой на нарах, которые находились как раз против двери, ведущей в притон Севостьяновой. Надо признать, что, хотя Баташов был сильно пьян, со своими обязанностями он справился сносно.

Хозяин ночлежки, кудлатый, в суконном картузе, внимательно меня осмотрел и потребовал «пачпорт». Мой паспорт произвел на него благоприятное впечатление.

— Это хорошо, что пачпорт имеешь, — сказал он, — а то всякая сволота тут шныряет. Держи ухо востро! Деньги есть? Ежели есть,

лучше мне на сохранность отдай, чтобы честь по чести. Шпаны набилось. Одно беспокойство Николаю Яковлевичу, — посочувствовал он Баташову. — Даже штоф распить не с кем... Худые времена! Надолго?

Я пожал плечами.

— За место все одно вперед уплати, — решил он. — Теперь никому верить нельзя.

Я уплатил вперед и отправился на Солянку звонить в уголовный розыск, что начало положено.

Вечерело, слабо светились окна домов. В нашей ночлежке зажгли три керосиновые лампы. Возле одной из них расположились, поджав под себя ноги, портные, их было человек восемь — десять, у другой — картежники. Большинство ночлежников уже укладывались на ночь, среди них были и женщины с детьми. Постукивая клюкой, прошел благообразный слепец с седой бородой, впереди него бежала собачонка. В дальний, неосвещенный угол комнаты, переругиваясь, направилась шумная компания беспризорников.

— Ну-с, в объятия к Морфею? — спросил Баташов.

Я молча полез на нары. Здесь пахло заношенной одеждой, потом, сивухой. Устроившиеся рядом подростки били вшей. Молилась богу старуха в черном платке, плакал ребенок. Где-то под нами переругивались, видимо, муж с женой.

— Да не жила я с ним, — убеждал высокий женский голос.

— Врешь, стерва, жила.

Когда я проснулся, Баташова рядом со мной не было. Пришел он через час, растрепанный, навеселе.

— Гут морген! Как спалось? Какие сны? — игриво спросил он, взбравшись на нары.

Кашляя и сморкаясь, Баташов стал рассказывать хитровские новости. Среди них была одна весьма неприятная: на рынке опять появился Невроцкий.

— Вы не путаете? — насторожился я.

Но Николай Яковлевич был в этом уверен.

— Баташов никогда не путает, молодой человек. Этого быка в золотых очках, которые идут ему, как корове седло, я еще с 1912 года знаю, когда он здесь куролесил с Сашкой Семинаристом. Я видел его ровно час назад в чайной Кузнецова.

Появление Невроцкого могло сорвать всю операцию. Невроцкий, или, как его почему-то прозвали в преступном мире, Князь Серебряный, вернувшись в конце прошлого года с каторги, праздновал свое возвращение на Хитровке. Он был заядлым картежником и в одну из пьяных ночей проигрался в пух и прах. Срочно нужны были деньги. С двумя револьверами в руках явился в Устинские бани, убил кассиршу и с помощью дружков забрал все белье моющихся, которые остались в чем мать родила.

Дерзкое ограбление проходило среди белого дня. Группа сотрудников уголовного розыска во главе с Груздем, который никак не мог усидеть в своем кабинете, задержала его в трактире, но по пути в розыск Невроцкому удалось соскочить с пролетки и скрыться. Его сообщник Глухой показал на допросе, что Невроцкий в тот же день уехал куда-то на юг. Действительно, больше о нем никто ничего не слышал, и вот он снова здесь.

Безусловно, Невроцкий запомнил Груздя и сразу же его при встрече опознает, а это приведет к провалу всей операции, ведь на Хитровке Груздь — это дружок Сашки Косого... Что же делать? Звонить

Мартынову, чтобы тот срочно организовал облаву? Но время не терпит, да и слишком мало шансов, что Невроцкого, который знает на Хитровке все ходы и выходы, удастся найти. Предупредить Груздя или Медведева?

Но где их найдешь? Может, заглянуть в чайную Кузнецова, где должен быть Виктор, возможно, он знает?

Я встал и увидел, как дверь в ночежку широко распахнулась. Вошли Груздь, Медведев и еще двое. Одного из них, приземистого, с крупными рябинами на приплюснутом, широком лице, я узнал по описаниям — это был Мишка Рябой.

Груздь подошел к группе играющих в карты и незаметно мне подмигнул. Я ему ответил тем же и, сделав условный знак, прошел в закуток, где нас никто не смог бы увидеть. Все решалось само собой. Но в следующую секунду я почувствовал за своей спиной чье-то тяжелое дыхание. На человеке, стоявшем за мной, были золотые очки. Он пристально смотрел на подходившего Груздя. Невроцкий! Груздь его тоже узнал. И тут Груздь сделал единственное, что он мог сделать, чтобы не провалить Медведева.

— Держи Сашку Косого и Невроцкого! — дико закричал он, приседая и выхватывая наган.

У входа я заметил Сеню Булаева с громадным смит-вессоном в руке.

Дальнейшее произошло с молниеносной быстротой. Пронзительно заверещал милицейский свисток, суматоха, давка. Я видел, как Медведев швырнул табуретку в висячую керосиновую лампу. В темноте лихо-радочно захлопали выстрелы. Затем все стихло, только монотонно падали капли, видимо, вытекал керосин из разбитой лампы. Я сорвал с окошка тряпку. В ночежке посветлело. «О господи, о господи», — бормотала какая-то женщина, сидя на полу и часто крестясь. Ее насмешливо утешал басистый мужской голос: «Не вой, маруха, что отстрелили полуха, судьба не муха, ликуй, что не полбрюха».

Медведева, Груздя, Невроцкого, Сени Булаева и Мишки Рябого в ночежке не было. Значит, видимо, никто из них не пострадал. Я вышел на волю. Хитров рынок жил своей обычной жизнью. К выстрелам здесь привыкли. Мимо меня прошел Сеня Булаев, не поворачивая головы, сказал:

— Все в порядке.

Так спутался план операции, тщательно разработанный до мельчайших деталей на ночном совещании у Александра Максимовича. Жизнь внесла свои коррективы.

Новая обстановка, в которой теперь приходилось работать, имела, как выражался Груздь, свои «арифметические плюсы и арифметические минусы».

После всего случившегося Медведев был у уголовников вне подзрения. Но система связи с ним нарушилась: Груздь вынужден был покинуть Хитровку. Сеню Булаева Мартынов тоже снял с рынка, так как его могли заметить во время перестрелки.

Только в эти дни я понял по-настоящему, что такое напряженная работа. Теперь на Хитровке остались лишь Медведев, Сухоруков и я. Мы с Виктором должны были наладить информацию, постоянно поддерживать двустороннюю связь между Медведевым и уголовным розыском и принимать все меры к охране Александра Максимовича. Последнее было особенно трудно, так как Сашка Косой частенько находился в таких местах, куда ход нам, «обычным золоторотцам»,

был заказан. Поэтому пришлось более широко использовать Баташова. Между тем Николай Яковлевич, напуганный происшедшим, начисто отказался принимать какое-либо участие в операции. Пока удалось его уломать, намучились немало. А события развивались стремительно...

В чайной теперь часто бывали Разумовский, Невроцкий, Мишка Рябой и налетчик Лягушка (его мы безуспешно разыскивали после нескольких налетов, среди которых было и ограбление бывшего универсального магазина фирмы «Мюр и Мерилиз» на Петровке).

Через Баташова Медведев передал, то пришла «ксива» и Разумовский ждет приезда «деловых ребят» из Питера.

Узнав об этом, Горев начал настаивать на необходимости «кончать маскарад» и попытаться взять бандитов в чайной. Но Мартынов только качал головой.

— Вы понимаете, что приезд уголовников из Петрограда — это смерть Медведева?

— Понимаю. Но приказания нарушить не могу. Савельев звонил в Петроград, и там обещали их перехватить.

— А если кто-нибудь из них все-таки проскочит?

— «Если» не будет.

На всякий случай решено было усилить наблюдение за чайной Кузнецова. Вскоре я и Виктор туда перебрались, поместившись в каморке. Мы уже знали, что Медведев вместе с Невроцким, Разумовским, Мишкой Рябым и Лягушкой вошли в дело.

Наступила жаркая пора, нервы были напряжены до предела. Неужто в Петрограде не смогут арестовать гастролеров? Но во время одного из докладов Мартынов мне сказал:

— Передай, что все в порядке. Гостей на Хитровке не будет.

Стало известно, что руководят налетом Мишка Рябой и Невроцкий. Невроцкий считал, что самое важное — бесшумно уничтожить охрану правления железной дороги. Здание хорошо охранялось. У подъезда круглосуточно стояли два вахтера, а в дежурной комнате находились шесть сменщиков. Нападение на охрану с улицы неизбежно должно было привести к перестрелке, а, следовательно, к неудаче. В течение трех дней дом тщательно обследовался, заходила туда под видом просительницы и Севостьянова. Наконец обнаружили винтовую лестницу на чердак. Двери чердака были заколочены, но открыть их не представляло особой сложности, тем более что на крышу вела пожарная лестница. Мишка Рябой уже дважды лазил на чердак и убедился, что вход полностью безопасен. Группа в шестнадцать человек должна была пробраться через чердак в здание и бесшумно вырезать охрану сначала в комнате, а потом и у подъезда. После этого Невроцкий подавал знак «стремичку», караулившему на улице, и тот вызывал грузовики, которые до этого должны были стоять за углом.

Единственным нерешенным моментом оставалось место сбора перед налетом. Мишка Рябой предлагал собраться на Хитровке в Сухом Овраге, но против этого выступили Невроцкий и Севостьянова: Хитров рынок находился под наблюдением уголовного розыска. Этим обстоятельством и воспользовался Медведев. Он сказал, что год назад, когда он «работал» в Москве, он пользовался для аналогичных целей квартирой в доме Афремова. Квартира эта имела черный ход, через который можно было пройти, минуя глаза любопытных.

Дом, о котором шла речь, пользовался тогда широкой известностью. Встроенный богатым купцом Афремовым, он был одним из первых восьмизатажных домов в Москве. Жильцы его, как правило, не знали

друг друга и не обращали внимания на появление новых лиц. Дом имел еще и то преимущество, что находился недалеко от правления дороги.

Поэтому мысль Сашки Косого понравилась. На следующий день Севостьянова поехала в Орликов переулок. Она внимательно осмотрела квартиру и одобрила выбор.

В налете должны были участвовать двадцать три человека. Некоторые из них друг друга не знали. Сбор был назначен между десятью и половиной двенадцатого. На всякий случай приходиться решили поодиночке. Керосиновая лампа с оранжевым абажуром, выставленная на подоконник второго окна справа, означала, что все спокойно.

К вечеру в квартире, «хозяином» которой был один из работников розыска, собрались двенадцать сотрудников и красноармейцев из боевой дружины. Первым взяли Мишку Рябого.

— Фартовый ты парень! — восхищенно говорил Рябой Сашке, поднимаясь вместе с ним по лестнице. — Только прихрюп, а тебе все: и дружки, и бабы, и кругляжи. Сколько я тебя знаю? Мизер. А люблю.

Его красное рябое лицо и затуманенные кокаином глаза выражали преданность.

— Ты мне скажи, что желаешь? Все отдам!

Медведев крепко стиснул своими железными пальцами кисть его правой руки.

Мишка рванул, но его ударили сзади по затылку и сбили с ног.

— Затыкайте рот, связывайте и живо в третью комнату, — распорядился Медведев. — Остальных брать в прихожей. Только без шума.

На протяжении часа было задержано пятнадцать человек. Все делалось настолько молниеносно, что никто не успел не только оказать сопротивления, но даже крикнуть. Всех их связывали и складывали в глубине квартиры, где они находились под охраной Сени Булаева и Груздя.

Словоохотливый Сеня Булаев не мог удержаться от маленькой нравоучительной беседы. Вернее, это была не столько беседа, сколько лекция, так как у всех собеседников были заткнуты рты. Сеня уже успел довольно убедительно, к вящему удовольствию Груздя, вскрыть социальные корни бандитизма и обосновать необходимость его уничтожения, когда на лестнице гулко прокатился выстрел. Кое-кто из лежащих бандитов зашевелился и приподнял голову.

— Урок политграмоты прерывается! — объявил Сеня. Его благодушное лицо сразу же стало жестким и настороженным. — Шевелиться не рекомендую. В случае чего перестреляем всех!

Стрелял Невроцкий. Осторожный и хитрый, Князь Серебряный дважды прошелся вокруг дома, пытаясь заглянуть за плотно затянутые шторы, потоптался у входа, присматриваясь, нет ли чего подозрительного, и, наконец, медленно начал подниматься по ступенькам. На лестничной площадке второго этажа он остановился и прислушался: видимо, какой-то шорох показался ему подозрительным. Шло время, а он стоял. Каждую секунду могли подойти остальные участники ограбления. Сотрудник, притаившийся в передней, не выдержал: он быстро распахнул дверь и кинулся на Невроцкого. Тот выстрелил и с удивительной для его лет быстротой помчался вниз, перепрыгивая через ступеньки.

Но улизнуть ему на этот раз не удалось: в подъезде его уже ожидали Сухоруков и двое красноармейцев.

Встревоженные выстрелом, обыватели зашевелились. В окнах замелькал свет. Кто-то даже загремел дверной цепочкой.

— Успокой. Чтобы через секунду все спали, — приказал Медведев Мартынову.

Внушения Мартынова подействовали: вскоре весь дом замер и снова погрузился в темноту.

Остальные участники ограбления, в том числе Разумовский и Лягушка, были взяты без всякого шума.

Так закончилась эта операция, о которой потом долго вспоминали сотрудники розыска. Почти вся преступная верхушка «вольного города Хивы» была арестована.

«Хитровское дело» не только создало новому начальству непрерываемый авторитет, но и заставило нас поверить в свои силы. В последующие две недели были ликвидированы банды Адвоката, Мартазина, Сынка.

***** ХУ

ЗЛОВЕЩЕЙ была весна 1918 года. Свирипевствовал брюшной тиф, вспыхнула эпидемия холеры. Когда стаял снег, мимо свалок нечистот можно было пройти, только зажимая нос. Вода в Москве-реке была густой и черной, как деготь. На мелких волнах качались раздувшиеся трупы собак и кошек, обломки бревен. Кругом грязь, запустение. Даже солнце казалось каким-то тусклым, запыленным. И самое страшное — угроза голода. Люди недоедали. Обвисли щеки Груздь, еще больше вытянулось узкое лицо Виктора, чаще рассказывал о петроградских трактирах Сеня Булаев.

В мае я впервые увидел на улице человека, умершего от голода. Это был старик с грязно-седой бородой, в нижнем белье: верхнюю одежду с него успели снять мазурики. Рот умершего был широко открыт, в одной руке он сжимал голову воблы, другая была подогнута под живот. Недалеко от трупа стояло несколько взъерошенных, тощих собак с поджатыми хвостами. Прохожие поспешно проходили мимо. Собаки скалили зубы и все плотней сжимали кольцо вокруг трупа.

...Жить у меня Тузик наотрез отказался, но заходил часто. Иногда забегал на несколько минут, а порой оставался на два-три дня. Соседи относились к нему настороженно. Жена доктора, толстая неряшливая женщина с выпученными глазами, демонстративно закрывала на всякий замок свой шкафчик на кухне и просила мужа: «Бобочка, ты посиди здесь на всякий случай, пока этот босяк не уйдет...»

Меня это раздражало, но сам «босяк» не обращал на эти меры предосторожности никакого внимания и, хитро мне подмигивая, спрашивал: «Опять эта корова всю ночь ложки пересчитывала?» Впервые Груздь увидел его у меня вскоре после выздоровления.

— Здорово, шкет!

— Здорово, матрос! — в тон ему ответил беспризорник.

— Шустрый! — поразился Груздь и поинтересовался: — Ты откуда такой?

— С Хитровки.

— Житель вольного города Хивы? А кличут как?

— Тузиком.

— Гм, какая-то кличка собачья. У нас на корабле кобель Тузик был. Выдумает же буржуазия такое: Тузиком человека прозвать. Ты же крещеный?

— Все может быть, — согласился Тузик.

— Ну родители-то как нарекли?

— Тимофеем.

— Тимоша, значит? Вот это другой коленкор. Ой, Тимоша-Тимофей, хочешь жни, а хочешь сѣй! Ну, Тимофей Иванович, на голове стоять умеешь?

Груздь снял пояс с двумя маузерами и, похрахтывая, стал на голову. Лицо его налилось краской, с подошв сапожищ на пол посыпались комки земли.

— Силен, бродяга! — с уважением сказал Тузик. — А на одной руке стойку сделать можешь?

— Запросто.

Груздь сделал стойку на одной руке.

— А колесом перекувырнуться сможешь?

Груздь сделал колесо.

— Силен, — снова сказал Тузик и с этого момента проникся к Груздю уважением, которое уже ничто не могло поколебать.

Когда Груздь доставал кисет, Тузик тотчас же чиркал зажигалкой. Когда Груздю что-нибудь было нужно, Тузик сломя голову кидался выполнять его поручение.

Оказалось, что у этого смешливого, независимого беспризорника душа романтика, жадная до всего необычного и красивого. Тузик мог часами слушать рассказы Груздя про далекие тропические страны, где курчавые черные люди ходят почти совсем голыми по раскаленному золотому песку и грузят на большие пароходы ящики с кофе и бананами, про раскидистые пальмы, колючие кактусы и экзотические деревья со звучным названием баобабы.

На вопросы Тузик был неистощим.

— А там революция тоже будет?

— Сам посуди, — обстоятельно объяснял Груздь, — пролетариат там есть? Есть. Мировая буржуазия есть? Есть. Эксплуатация есть? Есть. Материализм есть? Есть. Тогда об чем речь? А революция в России для них арифметический плюс, потому что вроде примера. Увидят, как мы распрекрасно живем без буржуев, и сами так же распрекрасно жить захотят...

— Ну уж распрекрасно, — говорил Тузик, — жрать-то нечего.

— Тебе бы все жрать... А ты рассуждай диалектически: почему нечего жрать? Потому что разруха. Вот покончим с буржуазией и с ее прихвостнями — всякими спекулянтами и бандитами — и возьмемся за ликвидацию разрухи. Уяснил?

Авторитет учителя был непререкаем. Только раз в душу Тузика закралось сомнение, когда Груздь заявил, что после мировой революции ни одного сыпнятифозного не останется: ни в Англии, ни в Бразилии, ни в России.

— В Англии, может быть, а в России навряд.

— Это почему?

— А потому что сыпняк от вшей, — со знанием дела объяснил Тузик.

— Вот их и не будет!

Тузик подмигнул мне и неудержимо расхохотался.

— Загибай! — А когда Груздь разгорячился, примиряюще сказал:

— Я же не говорю, что их миллионы будут, но тысячи полторы останутся..

Зато насчет ликвидации преступных элементов у Тузика не было никаких сомнений.

— Вот это точно, — говорил он. — Медведева все может. Как он Князя Серебряного и Мишку Рябого к ногтю! Его у нас во как бояться!

Медведев для Тузика был легендарной личностью, которая воплощала революцию. Правда, узнав от Груздя, что Медведев не умеет делать стойку на голове, он немного разочаровался, но, поразмыслив, сказал:

— Это ничего, ликвидирует преступный элемент и после мировой революции запросто научится.

Тузик впитывал в себя все, как губка. Он охотно слушал рассуждения Груздя про гегемона революции и про жизнь во флоте, мнение Груздя о бесклассовом обществе и о роли интеллигенции в революции.

— У шкета классовое самосознание на самом что ни на есть недостижимом уровне, — восхищался Груздь.

***** XVI

С МАРТЫНОВЫМ, которого Сеня прозвал Бородой, мне приходилось сталкиваться сравнительно мало, в основном на оперативках, так как я обычно имел дело с Горевым, который «шефствовал» над Хитровкой, и Савельевым. На меня он производил впечатление человека смелого, добросовестного, но, как говорится, не хватающего звезд с неба. Видимо, этому способствовала еще и молчаливость Мартынова, о которой в розыске ходили анекдоты. Мартынов предпочитал отмалчиваться и на работе, и на политзанятиях. Но две-три операции, которые провел Мартынов, заставили меня взглянуть на него по-иному. Мартынову в отличие от Савельева не хватало знания преступного мира и воображения, которое я до сих пор считал одним из немаловажных достоинств оперативного работника, но эти недостатки восполнялись трезвым мужицким умом, знанием человеческой психологии, жизненным опытом.

К сотрудникам группы он относился по-товарищески, но каким-то чутьем всегда чувствовал грань, через которую нельзя переходить, чтобы не перестать быть для нас начальником. Относился он к нам равно, выделяя только Горева и Арцыгова. К Гореву отношение у него было настороженное, недоверчивое, будто он все время ожидал, что Петр Петрович обязательно подложит свинью, хотя тот и работал добросовестно. Зато Арцыговым он откровенно восхищался, спасая его от всяческих мелких неприятностей, которые постоянно грозили тому из-за его необузданного характера. Впрочем, Мартынов так же тщательно оберегал и других «своих ребят».

Но, отстаивая своих сотрудников перед Медведевым и вообще «посторонними», Мартынов никому из нас не давал спуска. Он умел унижить человека, и пристыдить. Поэтому, когда он сообщал о совещании группы, на котором должны были подводиться итоги работы за первое полугодие, многие нервничали. Сам факт созыва такого совещания уже не предвещал ничего хорошего: с чего вдруг совещание? Собрались мы в кабинете у Мартынова. На этот раз в сборе были все.

— Ну давай, Федор Алексеевич, докладывай, — предложил Мартынов Савельеву, который перебирал у себя на коленях листки бумаги.

Савельев, еще более обрюзгший за последние месяцы, нехотя встал, откашлялся и, не отрывая глаз от бумаги, начал говорить. Он перечислял фамилии и клички бандитов, которые были нами задержаны, вкратце упоминал о наиболее крупных преступлениях, совершенных ими. Гришка Разумовский, Рябой, Водопроводчик, Невроцкий, Адвокат, Мартазин, Сынок, Пантюшка Слепой, Кальве, Сабан, Никольский... Фамилии мелькали одна за другой. Да, поработали мы здорово. Когда

Савельев закончил, Мартынов, собрав в кулак свою роскошную бороду, спросил:

— Как, нравится?

Мне очень хотелось выразить свои чувства, но что-то в голосе Мартынова настаивало, и я предпочел промолчать.

— Нравится? — повторил вопрос Мартынов.

Встал Груздь. Он всегда действовал напролом.

— Чего зря говорить? Если рассуждать диалектически, доклад что надо. Поработали здорово.

— Ну раз так здорово поработали, — уцепился Мартынов, — то я думаю, что к докладу еще несколько строк допечатать надо.

— Это какие же строки, Мефодий?

— Ну как какие? «В связи с распрекрасной работой бандитизм в столице республики заодно со всеми корнями ликвидирован. Прошу сотрудников наградить, а группу распустить по домам за ненадобностью». Вот это допечатать — и ажур.

— Это ты зря, хватил лишку...

— Так оно по докладу получается. А наемни ко мне вдова сотрудника МЧК Ведерникова приходила. «Не нашли, — говорит, — убийца моего мужа?» — «Нет, — говорю, — не нашли». Не знал я тогда, что мы так распрекрасно работаем...

— Короваева и Ведерникова банда Кошелькова убила, — вставил Сеня Булаев.

— Кошелькова? — сделал непонимающее лицо Мартынов. — Какого Кошелькова? Что-то я его в списке не приметил... Может, пропустил? Сделай милость, дай список свой, Федор Алексеевич.

— Ни к чему, Мефодий Николаевич, — сказал Виктор. — Что сделали, то сделали, а чего не сделали, того не сделали.

— Вот это уже другой коленкор. Я к тому и говорю, что оркестр вызывать рано, — хлопнул ладонью по столу Мартынов. — Докладная-то к начальству пойдет. Чего ей делается? Чего добились, того у нас не отнимут, а с хвастовством подожди. Одна гречневая каша сама себя хвалит. Короваева и Ведерникова Кошельков пострелял? Пострелял. Нападение на Сытинскую типографию совершил? Совершил. Правление Виндаво-Рыбинской дороги ограбил? Ограбил. А Федор Алексеевич победную реляцию читает. Дескать, вот какие мы молодцы!

Таких длинных речей Мартынов еще никогда не произносил и, по-моему, сам был немного поражен своей тирадой.

Открылась дверь, и вошел Медведев. Мы все встали.

— Садитесь, товарищи, продолжайте.

— Да у нас-то, почитай, все. Обговорили, — сказал Мартынов.

Посмотрев на начальника особой группы, Александр Максимович, видно, понял, в чем дело.

— Все распекаешь?

Мартынов сделал недоуменное лицо.

— Распекать? За что распекать? Ребята один к одному. Если б везде такие были, дела бы как по маслу шли...

Груздь хмыкнул. Мартынов бросил на него свирепый взгляд и уже не так горячо закончил:

— Ругать их не за что. Процент раскрываемости пятьдесят три. Где у тебя еще такой? То-то же.

— Ну если доволен, хорошо, — сказал Александр Максимович, и мне показалось, что в его глазах мелькнула смешинка. — А раз закончили, идем ко мне, поговорим.

*****XVII

КОГДА я предложил привлечь к какой-то операции Сухорукова, Мартынов сказал, что он выполняет специальное задание и отвлекать его по мелочам не нужно. Что это было за специальное задание, я не знал, но догадывался: видимо, Виктор занимался бандой Кошелькова. Между тем фамилия Кошелькова все чаще мелькала в оперативных сводках: налеты, ограбления, убийства. Кошельков и его неразлучный дружок Сережка Барин для своих преступлений широко использовали отобранные у убитых чекистов документы. Именно с помощью этих документов банда ограбила аффицерный завод, забрав золото в слитках, платиновую проволоку и деньги. Тогда Кошелькова чуть было не задержали матросы из отряда ВЧК, но он, отстреливаясь, ушел. Самым сложным было нащупать, где же скрывается Кошельков, с кем он поддерживает связи, через кого сбывает награбленное, то есть найти ниточку, которая привела бы к удачливому и дерзкому главарю банды.

В уголовном розыске Виктор не появлялся. Тузик говорил, что видел его как-то на Хитровке.

Впервые с Виктором мы увиделись после совещания, которое проводил Мартынов, только 6 июля, в тот самый день, когда неожиданно вспыхнул мятеж левых эсеров.

Эту новость принес запыхавшийся Сеня Булаев, который, ничего не подозревая, отправился на Поварскую арестовывать валютчиков.

— Братцы! — закричал он, вбегая в дежурку. — Германский посол Мирбах убит! Сейчас у театра оперного был, там всю фракцию левых эсеров заарестовали вместе с Марией Спиридоновой. Из окон головы повысовывали и орут: «Большевики — узурпаторы!»

— Да подожди, кто посла-то убили?

— Левые эсеры и убили.

— Зачем?

Сеня пожал плечами:

— А я откуда знаю? Что я тебе, эсер, что ли? У них и спрашивай. Вошел как всегда спокойный и сдержанный Медведев.

— Тихо, товарищи. Отряд Попова при ВЧК отказался подчиняться советской власти. Начальник отряда скрывает убийцу посла Мирбаха, которого эсеры убили с целью спровоцировать войну с Германией. Попов арестовал Дзержинского, Лациса и Смидовича. Мятежники сосредоточились в Трехсвятительском переулке, штаб Попова — в особняке Морозова. Сейчас я связался с районным Совдепом. Нам поручено патрулировать в районе Сретенских ворот.

Еще с Трубной мы слышали ружейные выстрелы, которые заглушались сильными громовыми ударами.

— По Кремлю кроют артиллерией, — сказал Груздь. — Революционеры, мать их за ногу!

— А отряд Попова наполовину из матросни, — вставил Арцыгов, который никогда не упускал случая подковырнуть Груздя.

— Какие ж это матросы? Салага из Черноморья, — презрительно ответил Груздь. — Одни клеши для видимости.

У Сретенских ворот к нам присоединилась вооруженная группа делегатов съезда.

— А вот Сухуров! — сказал Груздь.

Действительно, Виктор бежал по Сретенке, махая рукой.

— Хорошо, что встретил вас. К Покровке идете?

— Нет, пока не приказано, — сказал Груздь. — Но без нас все одно не обойдется...

Однако без нас обошлось. Всю ночь мы находились в районе Сретенских ворот, прислушивались к одиночным выстрелам. К утру выстрелы участились. Это против мятежников были двинуты войска, расположенные на Красной, Страстной и Арбатской площадях. К двум часам дня мятеж уже был ликвидирован.

— Зря всю ночь вместо телеграфных столбов простояли, — смеялся Арцыгов. — Пострелять и то не пришлось...

— Еще постреляешь, — пообещал Мартынов. — Чего-чего, а стрельбы на наш с тобой век хватит. Вот только как бы германцы войну из-за своего посла не затеяли. Им только повод дай. И чего с этими эсерами нянчились?

Мы с Виктором немного отстали. Он шел в расстегнутой косоворотке, обнажавшей его мускулистую шею, прикусив зубами сорванную веточку тополя, подтянутой, веселый.

— Ну, что нового в розыске?

— Что нового? Все то же. Расскажи, как у тебя? За Кошельковым охотился?

— Ишь какой умный! — поразился Виктор. — Догадался-таки?

— Да уж весь свой хилый умишко напряг.

— Ну-ну, не обижайся. Чего ты таким обидчивым стал? Понимаешь, какое дело, успехи не ахти, но кое-что нащупал. Помнишь, я тогда после операции на Хитровке возражал против ареста Севостьяновой? Еще говорил, что она нам пригодится? Ну вот, Аннушка и пригодилась. Оказывается, Кошельков у нее бывает. Как часто, не знаю, но бывает.

— И это все, что ты узнал?

— А что, мало? — засмеялся Виктор.

— Немного.

— Еще кое-что добыл. Вот, смотри. — Виктор показал мне клочок бумаги: «Смотался в Вязьму, буду в Хиве в следующем месяце. Сообщить Ольге». Подписи под запиской не было. — Эта писулька на столе у Севостьяновой лежала.

— А почему ты решил, что Кошельков писал?

— Проверял. Савельев говорит: почерк Кошелькова. Федор Алексеевич не ошибется.

— А кто такая Ольга?

— Как кто? — поразился Виктор. — Невеста Кошелькова. Ты разве не знаешь?

— А почему я должен близких и дальних родственников всех бандитов знать?

— Потому что ты работаешь в уголовном розыске, — нравуучительно ответил Виктор.

Когда он так говорил, я всегда злился. Но любопытство было на этот раз сильнее, чем самолюбие. И хотя мне хотелось сказать Виктору, что ему еще рано брать на себя роль наставника и я прекрасно знаю без него, что я должен, а чего не должен, я промолчал.

— Понимаешь, — продолжал Виктор, — я советовался с Савельевым. Видимо, действовать надо будет в нескольких направлениях, но прежде всего установить постоянные наблюдения за притоном Севостьяновой и за ней самой. Кстати, тебе твой старый приятель привет передавал...

— Кто?

— Баташов.

— Жив еще?

— Жив. Отощал только, пришлось подкормить.
 — Свой паек дал?
 — Свой паек... Ну дело не в этом. Думаю, надо мне в Вязьму вместе с Савельевым поехать. Можно его там застукать...
 — Нос Арцыгову здорово утрешь.
 — При чем тут Арцыгов? Что я, для Арцыгова стараюсь? Дурак ты, Сашка!

***** XVIII

СУХОРУКОВ хотел ехать в Вязьму, но Мартынов почему-то заупрямился.

— Мефодий Николаевич! Ведь мне это сподручней, — убеждал его Виктор. — Я Кошелевым и Сережкой Бариним еще когда занимался!

— Нет, не поедешь.

— Почему? Все-таки я раскопал эту штуку.

— Все одно не поедешь. Везде хочешь успеть — нигде не успеешь. Организуй лучше все, как положено, на Хитровке. Нащупаем или нет Кошелекова в Вязьме — бабушка надвое сказала. А на Хитровке — дело верное.

Мартынов командировал в Вязьму Савельева и Горева, к которым затем присоединился Арцыгов.

О включении в оперативную группу Арцыгова Савельев возражал.

— Горяч больно, — доказывал он Мартынову, — на такое люди потоньше да поспокойней нужны. Дельце-то деликатное. И с Петром Петровичем он не в ладах. Только мешать друг другу будут.

Может, Мартынов и согласился бы с Савельевым, если бы не упоминание о Гореве, которого он терпел только в силу необходимости.

— А я их целоваться не прошу, — резко ответил он. — Им вместе не детей крестить, а работать.

— Все-таки... — начал было Савельев, но борода его перебил:

— Приказ читал?

— Какой?

— О моем смещении с должности начальника особой группы. Нет такого приказа? Значит, и разговор будем кончать. Поедут те, кого я пошлю.

Около двух недель никаких сообщений от оперативной группы не получали. Мартынов несколько раз пытался связаться с Вязьмой по телефону, но безрезультатно. Наконец в розыск поступила телеграмма: «Бандит Кузнецов, по прозвищу Кошелев, арестован. Будет днями конвоирован Москву Вяземской ЧК. Точка. При задержании преступника Савельев ранен. Точка. Находится в излечении больнице. Точка. Горев. Точка».

Мартынов огласил телеграмму на оперативке. Казалось, с Кошелевым покончено, но радость была преждевременной... Позднее я узнал все подробности вяземской истории.

Оперативная группа, прибыв в Вязьму, первое время никак не могла напасть на след Кошелева. Бандит словно сквозь землю провалился. Горев даже высказывал предположение, что Кошелев в Москве, а его записка предназначалась только для отвода глаз. Наконец Савельеву удалось восстановить старые агентурные связи, и он узнал, что Кошелев действительно в Вязьме. Через некоторое время выяснилось даже, с кем он встречался. Это была бывшая «хитровская принцес-

са» Натка Сибирячка, старая знакомая Савельева, которая покинула Хитровку в 1915 году. По сведениям, полученным Савельевым, Кошельков должен был быть у Натки вечером в субботу. К его встрече подготовились, но он не пришел. Не появился он и на следующий день, и в понедельник. Создалось впечатление, что бандит или почувствовал что-то неладное, или уехал из Вязьмы. Решено было арестовать Натку. Но это ничего не дало.

— Только и знаете, что людей понапрасну тревожить! Вам бы только и сажать безвинных! — кричала Натка истощенным голосом, когда ее вели по улицам. — До революции душу выматывали, теперь мотаете! Бога на вас нет, легаши проклятые!

На допросе Натка все начисто отрицала. Кошелькова она, дескать, действительно знает, но никаких отношений с ним не поддерживала и не поддерживает. И чего ей только жить не дают спокойно! Кому она мешает? Что от нее, несчастной, хотя? Она такого беззакония не потерпит и будет писать жалобу самому Дзержинскому.

Пришлось Натку выпустить. А на следующий день был убит купец Бондарев и его приживалка Кислюкова. В квартире ничего тронуть не было. Только на кухне, под мусорным ведром, сорваны две половицы, под которыми зиял провал, там находился тайник, до него-то и добирались убийцы.

— Работа Кошелькова, его почерк, — заключил Савельев, тотчас приехавший на место происшествия. — Для того и Вязьму навестил, а наводчицей была Натка.

Действительно, дальнейшее расследование показало, что Натка часто бывала у Кислюковой, засиживаясь допоздна, гадала ей на картах. При вторичном обыске у нее обнаружили несколько золотых вещей, которые опознала дальняя родственница Бондарева, жившая во дворе во флигеле. Она же описала мужчину, который на рассвете выходил из дома Бондарева с узелком в руках. Приметы неизвестного полностью совпадали с приметами Кошелькова.

Под тяжестью улик Натка во всем призналась. Узнав от Кислюковой, что старик хранит золото, она хотела «дать это дело» своему дружку Беспалому, но того как раз арестовали. Тогда она послала «ксиву» Кошелькову, который вскоре и приехал в Вязьму. Разрабатывая план ограбления, Кошельков бывал у нее ежедневно. Но потом он сказал, что за ним из Москвы прихрюли легавые: «Думают взять у тебя, только меня один корешок упредил. Не дамся». После этого разговора Кошелькова она больше не видела, а золотые вещи, долю в деле, ей передал барыга по кличке Шелудивый.

К тому времени Горев установил круглосуточное наблюдение за вокзалом. Сделано это было просто на всякий случай, потому что каждому было ясно, что Кошельков туда не сунется, по крайней мере в ближайшие дни.

И вдруг совершенно неожиданно Савельев наткнулся на бандита в трактире Кухмистрова, который был расположен на центральной улице города. Кошельков спокойно сидел за столиком и о чем-то разговаривал с опилочником Ахмедом.

Увидев Савельева, он дважды выстрелил.

Одна пуля оцарапала Савельеву плечо, вторая застряла в левом легком. Савельев упал, а Кошельков, выбив плечом оконную раму, выскочил на улицу. Он бы наверняка ушел, если бы не наткнулся на группу красноармейцев, которые как раз проходили мимо трактира

и обратили внимание на выстрелы. На него навалились, обезоружили, скрутили руки и доставили в ЧК.

Через два дня Кошелькова в сопровождении Арцыгова (Горев остался возле раненого) и конвоя Вяземской ЧК отправили в Москву. Два молоденьких красноармейца, опасаясь побега, не спускали с него глаз. Но Кошельков вел себя настолько спокойно, что решили даже развязать ему руки. В Москву прибыли без всяких происшествий. На перроне к Арцыгову подошла молодая женщина, закутанная в серый платок, и попросила разрешения передать заключенному буханку хлеба: «В тюрьме-то небось несладко!»

— Ну что ж, давай, коли такая сердобольная, — согласился Арцыгов. — Дорога в рай длинная, на сытый желудок сподручней добираться.

Но Кошельков в рай не собирался...

В переданной буханке находился браунинг.

Один из красноармейцев был убит наповал, а другой умер, не приходя в сознание. Арцыгова Кошельков сбил с ног ударом в подбородок.

Так закончилась вяземская операция, за которую Арцыгов две недели находился под арестом, а Мартынов получил выговор в приказе.

Арцыгов, отсидев положенное, ходил мрачнее тучи. Он и раньше не отличался осторожностью и зачастую во время операций шел на ненужный риск, а теперь с ним просто творилось что-то невообразимое. При разоружении шайки фальшивомонетчиков в Марьиной роще его спасла чистая случайность. Ребята под тем или иным предлогом старались избежать участия в тех операциях, которыми он руководил: и себя и других угробит. Дело дошло до того, что Мартынов как-то ему сказал:

— Ты эти штуки брось, Аника-воин. Это не храбрость, а дурость. Железного креста не заработаешь, а деревянный запросто. Официально предупреждаю: не прекратишь своих фокусов — с работы к чертовой матери выгоню.

Арцыгов огрызнулся, но это предупреждение на него, кажется, подействовало.

Мне его было жаль, хотя я и не питал к нему особых симпатий.

В конце концов от подобных случайностей никто не застрахован. Такое могло случиться и с Виктором, и с Саней Булаевым, и с Горевым.

Виктор опять пропал на Хитровке, и теперь мы с Арцыговым часто играли в шахматы.

— Да плюнь ты на эту историю! — сказал я ему в один из таких вечеров.

Арцыгов поднял глаза от шахматной доски, посмотрел на меня, словно увидел впервые, прищурился.

— Жалеешь?

— Чего мне тебя жалеть...

Арцыгов зло усмехнулся.

— Жалеешь, — утвердительно сказал он. — Все вы жалостливые: и ты, и Сухорук, и эта гнида Горев. А во мне так жалости не осталось, всю жалость жизнь каленым железом выжгла. Начисто. Видел? — Он показал два искривленных пальца на левой руке. — Пацаном был, когда меня там исправляли. Исправили. Ленька только мне малость пальцы изувечил. Шустрый паренек, веселый... Все забавлялся с нами, с мелкотой... Жратву отбирал. Сам шамал, а у нас отбирал, смеялся: хочешь шамать — давай сыграем. Очень веселую игру выдумал. Насыпет кашу горкой на пол. Мы — в круг, а он посередине, с палкой. «Кто

ловкий? — кричит. — Кто жрать хочет? Налетай!» Боязно, а в брюхе бурчит с голодухи. Протянешь руку, а он по пальцам палкой. Когда горсть каши ухватишь, а когда благим матом взревешь. Только я ловкий был, не мог Ленька меня палкой достать. Очень обидно было ему: кашу я сожру, а удовольствия ему никакого. Вот разок и сжульничал, свои же правила нарушил: вместо палки каблуком мне на пальцы наступил...

Лежал я тогда ночью в постельке под казенным одеялом и все Леньке казнь придумывал пострашней... Мечтал я большим человеком стать: купцом или губернатором, чтобы много денег иметь и все что ни на есть продовольствие в Российской империи скупить. Пришел бы ко мне тогда Ленька, а я ему — кукиш. Хочешь жрать — клади на стол руку. За каждый кусок по пальцам. Плачет он слезами горячими, а я сижу себе в кресле сафьяновом да золотой цепочкой играю, да на часы золотые с репетиром гляжу, а кругом золото так и сверкает, — Арцыгов коротко хохотнул. Губы его подергивались. — Глупым пацаном, без соображения был. Малолеток, одним словом. А Леньку долго помнил...

Арцыгов замолчал, задумался. Молчал и я. Что я мог сказать этому человеку, жизнь которого совершенно не была похожа на мою?

— Вот так, гимназист. Нет во мне жалости. Я вроде полушубка, от крови и слез задубевшего. Меня не жалели, и я жалеть не научился. Ну как, сыграем?

— Что-то не хочется.

— Как знаешь, — равнодушно сказал Арцыгов, сгребая шахматные фигуры. Он как-то погас, обмяк. — Как знаешь. А Кошельков, что ж, мы еще с ним встретимся.

Но с Кошельковым в первую очередь пришлось встретиться мне.

*****XIX

ОЧЕРЕДНОЕ занятие по политграмоте не состоялось. Вечер был свободен, и я отправился домой. Груздь дежурил по розыску, а Виктор был на Хитровке, поэтому гостей я не ждал. Но гость все-таки появился — это был Тузик.

— Здорово, Сашка! — крикнул он, влетая в комнату. — А где Груздь?

— Дежурит.

— А-а.

— Есть хочешь?

— Вот это арифметический плюс, — оживился Тузик.

«Арифметический плюс и арифметический минус». Тузик пересыпал свою речь излюбленными выражениями Груздя. Это меня раздражало, но я не показывал вида.

Я достал из шкафа аккуратно завернутые в холстину полбуханки настоящего ржаного хлеба и кусок сала. Все это бесценное богатство я выменял на Сухаревке на старый отцовский костюм. Тузик жадно набросился на еду, и мои трехдневные запасы были мгновенно уничтожены.

Часов в девять вечера мы начали укладываться спать. Собственно говоря, было не девять, а семь, но с начала лета действовало новое постановление Совета Народных Комиссаров. В целях экономии осветительных материалов предлагалось перевести часовую стрелку на летнее время по всей России на два часа вперед. Путаницы после его издания было вначале много, но потом ничего, привыкли.

Уснул я сразу. Проснулся от того, что Тузик тряс меня за плечо.

— Саша! Саша!

— Что такое?

— Не слышишь, что ли? В дверь-то как стучат...

Я присел на кровати. Кто-то изо всех сил грохотал, видимо, ногами в парадную дверь. В передней шептались доктор и его супруга.

— Что там происходит? — крикнул я.

— Л-ломится кто-то, — заикаясь, ответил доктор.

— Кто?

— Понятия не имею.

— Почему же вы не спросите?

Я натянул брюки и пошел к дверям.

— Из ЧК, открывайте!

По голосу я узнал председателя домового комитета инженера Глуценко. Путаясь в многочисленных запорах, замках и цепочках, я начал отпирать.

— Живей, живей! — подгоняли меня из-за двери.

В переднюю вошли трое: Глуценко — в очках и форменной шинели внакидку, перепоясанный ремнями бритый мужчина в кожанке и высокий сутулый человек с очень густыми бровями.

— Кто такой? — резко спросил парень в куртке, кивнув в мою сторону.

Тон парня мне не понравился.

— А вы сами кто такой?

— Гражданин Белецкий у нас в уголовном розыске работает, — сказал доктор, дыша мне в затылок. — А вот ваши документики?

Никто не думал, что у него может быть такой ласковый и противный голос. Я обернулся и крикнул:

— Вас никто не спрашивает, гражданин Тушнов. Проходите, товарищи.

— Идем! — весело откликнулся бритоголовый и взял меня за плечо. — Понятым будешь.

Начался обыск.

Во время обыска доктор, сгорбившись, сидел на стуле и молчал, а его супруга то и дело всхлипывала и, театрально всплескивая пухлыми руками, спрашивала, ни к кому в отдельности не обращаясь: «Что же это такое, а? Что же это такое, а?»

Она вызывала жалость и какое-то гадливое чувство.

После обыска, который длился около часа, чекисты составили опись изъятых ценностей, а их, к моему удивлению, оказалось немало, и старший, обращаясь к Тушнову, сказал:

— Вы, доктор, особо не волнуйтесь. Думаю, все это по недоразумению, и вам золотишко возвратят. Так что зайдите ко мне послезавтра в МЧК. К тому времени выяснится.

Доктор встрепетнулся:

— Спасибо, товарищ дорогой, спасибо. А не скажете номер вашего кабинета?

— Тридцать седьмой.

— Весьма благодарен, весьма, — забормотал доктор, запахивая халат.

Председатель домкома подписал протокол обыска и, зябко ежась, спросил у Тушнова:

— У вас случайно нет аспирина, Борис Семенович?

— Откуда же ему быть, милейший? — сказал доктор и даже протя-

нул для чего-то руку ладонью вперед, как нищий на паперти. — Откуда?

Я знал, что Тушнов врет, что еще вчера он откуда-то принес несколько пакетов аспирина, который мадам Тушнова будет обменивать на Сухаревке, но уличать его во лжи не хотелось: в этой ситуации Глущенко обращаться с просьбой к доктору не следовало. Он, видимо, и сам это понял: извинился за беспокойство и ушел домой.

Чекисты прошли ко мне в комнату.

— Еще в одну квартиру надо успеть, — сказал бритый. — Ну, покурим перед дорогой, что ли? Э-э! Зажигалку забыл! — похлопал он себя по карману. — Дурная голова!

Я достал из ящика письменного стола зажигалку-пистолет. Виктор сделал мне точную копию своей.

— Хорош! — тоном знатока сказал бровастый. — Сам сделал?

— Приятель.

— Ювелир?

— Нет. Наш сотрудник, Сухоруков.

— Виктор, что ли?

— Да. А вы его знаете?

— Как же. Только не знал, что он мастер на такие штуки. Надо будет, Сережа, попросить, чтобы он нам тоже такие сделал. На Хитровке он еще долго собирается сидеть?

— Не знаю.

— Зря только время тратит. Кошельков не дурак, к Аннушке не пойдет теперь...

Оказывается, чекисты были в курсе всех наших дел. Меня это расположило к бровастому, и я неожиданно для себя предложил:

— Зажигалку возьмите, мне Виктор другую сделает.

— Спасибо, — сразу же согласился бровастый. — Только баш на баш: ты мне зажигалку презентуешь, а я тебе перстенек.

— Что вы!

— Нет, нет, не отказывайся, обидишь, — и, сразу же переменяя тему, спросил: — Как Савельев, помер?

— Нет, жив. Врачи говорят, поправится.

Бровастый засмеялся.

— Живучий мужик! Собаку в своем деле съел, а здесь все-таки промашку дал. Упустил Кошелькова, а?

— Не он упустил, Арцыгов.

— Вот как? Ну теперь долго искать будете...

— Ничего, отыщем и возьмем.

— Вот это молодец, — засмеялся бровастый. — С такими ребятами Медведев не то что Кошелькова, а Сашку Семинариста с того света возьмет!

Поговорив еще о Кошелькове, чекисты распрощались и ушли. И тут только я вспомнил о Тузике. Во время обыска я его не видел. Ушел, что ли? У Тузика была привычка уходить, не попрощавшись, неожиданно. Но было уже слишком поздно. Куда его понесло?

За книжным шкафом что-то зашевелилось, и показалась взлохмаченная голова Тузика.

— Ушли?

— Да. А ты чего там делаешь?

Тузик молчал. Лицо его было бледным.

— Испугался? — допытывался я. — Это же чекисты были, к Тушновым с обыском приходили.

Тузик вылез из-за шкафа, поежился и, все еще дрожа, сказал:
— Это Кошельков был... и Сережка Барин...

Вспоминая сейчас о своем знакомстве с Кошельковым, я улыбаюсь, но в те дни мне было не до смеха.

Тушнов не давал мне покоя.

— Извините, Александр Семенович, — говорил он, останавливая меня в коридоре, — но я был в МЧК и не нашел вашего приятеля. Если вас не затруднит, наведите, пожалуйста, справки. Мне сказали, что ордер на обыск моей квартиры вообще не выдавался... Неразбериха какая-то!

Что я ему мог ответить? Что то были не чекисты, а бандиты и я им помогал грабить?

***** XX

ДОКЛАДЫВАЯ о происшедшем Мартынову, я ожидал всего: выговора, отчисления из уголовного розыска. Но Мефодий Николаевич выслушал меня молча.

— Что стоишь? — спросил он, когда я закончил свою исповедь.

— Но...

— Что «но»? Хвалить не за что, а ругать ни к чему. От ругани дураки не умнеют. Это уж от бога.

Пожалуй, никто бы не смог больней ударить по моему самолюбию. Из кабинета Мартынова я выскочил в таком состоянии, как будто меня высекали на самой многолюдной улице.

В уголовном розыске по ночам всегда дежурила специальная группа — ответственный дежурный, инспектор, субинспектор, два агента и несколько красноармейцев из боевой дружины. Ответственным дежурным был в тот вечер Мартынов, но он не спал уже две ночи и поэтому, устроившись в прилегающей к дежурке комнате, наказал будить себя только в случае чрезвычайного происшествия. Заменял его Сухоруков, который числился инспектором. Помимо него дежурили я и Сеня Булаев.

На днях наш новый завхоз раздобыл грузовик великолепных сухих дров, и стоящая посредине комнаты буржуйка румянилась своими чугунными боками. Было не только тепло, но даже непривычно жарко. Сеня снял валенки и забрался на диван с ногами, а Виктор отстегнул ремни и стащил с себя гимнастерку.

— Вот так бы всю ночь без происшествий! — мечтательно сказал Сеня.

И не успел он договорить последних слов, как зазвонил телефон. Виктор снял трубку.

— Ответственный дежурный по уголовному розыску инспектор Сухоруков слушает, — сказал он. — Что?.. Не слышу, громче! Да, да...

Я увидел, как обращенная ко мне щека Виктора побелела, и понял, что произошло что-то страшное.

Виктор повесил трубку на рычаг и встал.

— Ты что, Витя?

— Час назад бандиты напали на Ленина.

— Жив?

— Не знаю...

— Почему не спросил?

— Побоялся... — совсем по-детски признался Виктор. Сеня подскочил к телефону, схватился за трубку.

— Барышня! — закричал он. — Соедините меня с дежурным по

МЧК! Откуда я знаю, какой номер?! Соединяете? Давайте, жду! Паснов? Что с Владимиром Ильичем? Я не о том. Ранен? Ладно, будем ждать... Жив! — крикнул Сеня, оборачиваясь к нам. — Ни одной царапины! Он расстегнул куртку и вытер рукавом покрывшееся испариной лицо.

Через несколько минут в дежурку уже входил Медведев.

— Ограбление совершила банда Кошелькова, — сказал он, не раздеваясь. — Приметы полностью совпадают. Видимо, там еще были Сережка Барин и Ефимыч. Сухоруков!

Виктор вытянулся.

— Вот приметы машины. Немедленно сообщите о них по районам, а после этого отправляйтесь под арест: в таком виде дежурство не несут.

— Слушаюсь.

— То же относится и к вам, Булаев.

Медведев отдал несколько распоряжений и кивнул мне:

— Поехали!

Во дворе нас ждал лимузин. В него с трудом втиснулись Медведев, я и три красноармейца.

Вот как обернулась моя оплошность! Ведь если бы я тогда задержал Кошелькова, ничего бы не было. Ничего! А теперь... Страшно подумать, что жизнь Ленина висела на волоске.

Москва была разбита на десять участков, для каждого из них выделили патрульную машину. Часть машин принадлежала ВЧК, остальные были взяты в различных учреждениях.

Ехали мы почти вслепую: зима была снежная, выюжная. Ветер швырял в ветровое стекло пригоршни снега, фигуру человека можно было различить не дальше, чем за пять метров. Кругом только сугробы снега. На Петровке мы влетели в какую-то яму. Пришлось выйти из машины и вытаскивать ее. Один из красноармейцев рассек при толчке бровь. Ругаясь, он приложил ко лбу пригоршню снега, который сразу же стал розовым.

У гостиницы «Националь», первого дома Советов, нас остановил милицкий патруль.

— Какие-нибудь новые сведения поступали?

— Никак нет, товарищ начальник.

Мне очень хотелось расспросить Александра Максимовича о подробностях нападения на Ленина. Но Медведев молчал, а я не решался заговорить первым. Только немного позднее я узнал, как все произошло.

Владимир Ильич вместе со своей сестрой Марией Ильиничной поехал в одну из лесных школ в Сокольниках, где находилась Надежда Константиновна Крупская. Их сопровождал только один охранник, Чебанов. За рулем сидел любимец Ленина Степан Казимирович Гиль. Недалеко от Каланчевской площади их окликнули. Не обращая внимания, Гиль продолжал ехать. Но когда стали подъезжать к Калининскому заводу, на середину дороги выскочили несколько человек с револьверами в руках.

— Стой!

Гиль не снижал скорости.

— Стой, стрелять будем!

Ленин, решив, что это милицкий патруль, наклонился к Гилю.

— Остановитесь, Степан Казимирович.

Гиль затормозил. В ту же секунду неизвестные плотным кольцом окружили машину.

Ленин приоткрыл дверцу, спокойно спросил:
— В чем дело, товарищи? Вот пропуск.
— Молчать! — резко крикнул высокий и сутулый, с маузером в руке, и, держа дуло оружия на уровне груди Ленина, распорядился:
— Обыскать!
— Какое право вы имеете обыскивать? — возмутилась Мария Ильинична. — Предъявите ваши мандаты!
— Уголовным мандатов не надо, у них на все права есть, — усмехнулся сутулый.

Спротивляться уже было поздно. Теперь малейшая попытка к сопротивлению могла кончиться трагически — смертью Ильича.

Бандиты забрали документы и оружие, влезли в автомобиль. Кто-то из них перевернул затвор винтовки.

— Брось, ни к чему...

Взревел мотор, и машина мгновенно исчезла в пелене снега.

Нападение произошло недалеко от здания районного Совдепа, откуда Ленин и позвонил в ВЧК Петерсу. Никто из бандитов не знал, что ограбленный — председатель Совета Народных Комиссаров. Это обстоятельство и спасло Владимиру Ильичу жизнь...

За неделю до нападения на Ленина по приказанию Медведева была арестована невеста Кошелевкова Ольга.

Кошелевков был озлоблен до предела. Поступали агентурные сведения, что он даже подбивал своих дружков к нападению на уголовный розыск.

В дальнейшем один из бандитов, некий Клинкин, по прозвищу Ефимыч, шофер Кошелевкова, на допросе показал, что после ограбления Кошелевков начал в машине просматривать отобранные документы. Вдруг слышу, говорил Клинкин, орет:

— Останови машину! Гони назад!

— Почему? — спрашиваю.

— Да потому, — отвечает, — что то был сам Ленин... — Он был как в лихорадке. — Кто на нас подумает? На политических подумают... Дело-то какое, раз в сто лет так пофартит... Еще и переворот может быть, тогда награду получим.

— Зря остановил, — с сожалением протянул Сережка Барин. — Ведь я их уже на мушку взял!

— Откуда знать-то? — огрызнулся Кошелевков и забарабанил рукояткой маузера по спине Клинкина. — Не спи, Ефимыч!

Тот развернул машину.

— Быстрей, быстрей! — подгонял Кошелевков. — Газуй, фраер!

Заваленная снегом дорога была пустынна...

Сережка Барин и Кошелевков выскочили из машины.

Проваливаясь по колено в глубокий снег, выбрались в переулоч. Кошелевков заглянул в раскрытые ворота одноэтажного домика, в окнах которого сквозь морозные узоры слабо мерцал огонек.

— Может, сюда завернули?

— Нет, не видишь развее, какой сугроб у крыльца намело?

Побродив минут десять по безлюдному переулочу, ругаясь, вернулись к машине.

Обо всем этом не знали тогда ни Медведев, ни я, патруль сообщил, что в Сокольниках убиты два милиционера, а у Мясницких ворот один милиционер ранен. Машина с бандитами не задержана.

— Раненого допрашивали? Что он показал?

— Говорит, стреляли неизвестные с легкой машины. Подъехала

машина, кто-то свистнул в милицейский свисток. Ну он, натурально, подошел, а те стрелять... В трех местах пораненный...

Это, конечно, работа Кошелькова: после ареста Ольги он хвалился, что всех милиционеров в Москве перестреляет. Для этого и машину раздобыл.

Я до боли в глазах вглядывался в белую мглу, чувствуя, как от напряжения по щекам катятся слезы. Внезапно мне показалось, что впереди в свете фар мелькнуло что-то темное и расплывчатое. Машина? Нет... А может быть, все-таки машина? Точно, машина.

— Александр Максимович, автомобиль.

— Вижу, — почти не разжимая губ, сказал Медведев. — Приготовьтесь.

Сидящий рядом со мной красноармеец, держа в одной руке винтовку, вылез на подножку. Его примеру последовал другой. В машину ворвались ветер и снег. Я не вижу, но чувствую, как Медведев достает из кобуры наган.

— Заезжай сбоку, — наклонился он к шоферу, — слева, жми его к домам.

Но когда мы почти настигаем мчащуюся впереди нас машину, шофер опознает ее.

— Из МЧК, — говорит он и сворачивает направо.

Минут через десять возле Крымского моста мы наталкиваемся на машину Владимира Ильича. Она стоит у обочины дороги, в ней никого нет, дверцы распахнуты, горящие фары освещают два трупа, лежащих недалеко от передних колес. Я обращаю внимание на пулевые отверстия в ветровом стекле, от них лучами разбегаются в разные стороны трещинки. На спинке переднего сиденья заледеневшие следы крови: кто-то из бандитов ранен. Подхожу к убитым — это молоденький красноармеец и милиционер в островерхой шапке с красной матерчатой звездой. Красноармеец сжимает мертвыми руками винтовку. Стрелял, видимо, он, милиционер нагана достать не успел.

— Ишь как держит! — говорит один из красноармейцев, приехавших с нами, пытаясь разжать пальцы убитого. — И после смерти свое оружие отдавать не хочет!

— Не надо! — машет рукой Медведев. — Оставь...

Он медленно стаскивает с головы ушанку. Мы следуем его примеру. Несколько минут стоим молча. Потом Медведев проводит ладонью по покрытым снегом волосам, надевает шапку.

— Проверь, машина может своим ходом пойти? — обращается он к шоферу и приказывает красноармейцам перенести убитых в машину.

— Александр Максимович, может, поищем? Не могли они далеко уйти, тем более ранен у них кто-то.

— Попытаемся.

Подъехал грузовик с красноармейцами. Разбившись на небольшие группы по два-три человека, мы тщательно прочесали все близлежащие улицы и переулки. Безрезультатно.

***** XXI

ЧЕРЕЗ несколько дней после нападения на Ленина в «Известиях» были опубликованы обращение Московского Совета к населению и приказ начальника Московского окружного комиссариата по военным делам.

«В городе за последние годы участились случаи разбойных напа-

дений, — писалось в обращении. — С обнаглевшими бандами начата решительная борьба, в которой население должно содействовать органам Советской власти.

Бандитизм, нарушающий нормальное течение жизни Москвы, будет твердой рукой искоренен как явление, дезорганизующее и играющее на руку контрреволюции. О всех случаях нападения немедленно звонить по телефону 1-34-90; 1-20-82 и 3-92-64. Обо всех подозрительных лицах сообщать в Московскую Чрезвычайную Комиссию, Лубянка, д. 14».

«...Всем военным властям и учреждениям народной милиции, — грозно заканчивался приказ, — в пределах линии Московской окружной железной дороги расстреливать всех уличенных и захваченных на месте преступления, виновных в производстве грабежа и насилий».

Этим двум документам предшествовало совещание ВЧК, МЧК, Московского уголовного розыска и административного отдела Московского Совета, созданное заместителем председателя ВЧК Петерсом по поручению Дзержинского. От нас на совещании присутствовали Медведев, Мартынов и Савельев.

— Сам факт созыва такого совещания, — говорил Медведев на ночной оперативке, — свидетельствует о том, что мы не справляемся с порученным делом. Сейчас к борьбе с бандитизмом привлекаются части военного гарнизона, ВЧК и широкие слои населения. Но это не значит, что с нас в какой-то степени снимается ответственность за ликвидацию бандитских групп. Более того, созданная на совещании комиссия по борьбе с бандитизмом совершенно справедливо считает, что Московский уголовный розыск должен стать штабом борьбы с бандитизмом. В наше распоряжение переданы дополнительные средства, транспорт, оружие. Дело за нами. Сегодня утром ко мне приходила делегация с завода Гужона. Рабочие, возмущенные нападением на вожда мировой революции, хотят нам помочь. Мы благодарны им и воспользуемся их помощью. Как вам известно из приказа, мы будем проверять гостиницы и частные квартиры, в которых могут найти приют преступники. К этим проверкам необходимо привлечь рабочих. В отличие от царской полиции мы работаем для народа, а следовательно, всегда найдем у него поддержку, надо научиться ею пользоваться.

После оперативки мы расходились мрачные, злые. Каждый понимал, какая на него ложится ответственность.

— Медведев еще либеральничает, — говорил Виктор. — Другой бы на его месте всех разогнал к чертовой бабушке. Что такое комиссия по борьбе с бандитизмом? Недоверие к нам. Вот что она такое. И обоснованное недоверие.

Я было заикнулся о своей вине, но Виктор досадливо поморщился.

— Хватит себя бить кулаком в грудь. Надоело. Все мы виноваты. Прошляпили. Теперь пора не каяться, а работать.

Я никогда не подозревал, что в Москве столько гостиниц: «Люкс», «Гренада», «Догмара», «Бельгия», «Астория», «Утеха», «Брюссель», «Лондон», «Гамбург» и даже «Приют лавеласа», который содержал какой-то обрусевший француз.

Каждую гостиницу в зависимости от ее размера обследовала группа, состоявшая из одного сотрудника уголовного розыска и восьми — пятнадцати вооруженных рабочих. Проверки большей частью проводились ночью. Мы перекрывали все выходы, знакомились с книгой регистрации, а затем начиналось путешествие по номерам. Гостиницы оказались государством в государстве. Кого только там не было! Ак-

теры провинциальных театров, валютчики, представители богемы, мелкие и крупные спекулянты, бывшие камер-юнкеры, сутенеры, культуртрегеры с иностранными паспортами, вызывавшими серьезные сомнения в их подлинности, архиреволюционные эсеры, поспешно сжигавшие компрометирующие документы, томные дамы с напудренными носиками, в платьях из портьер и с фальшивыми бриллиантами, которые вдруг оказывались настоящими...

В результате обследования гостиниц было задержано свыше двухсот человек, среди них 65 крупных рецидивистов. Их допросы дали нам много. По предложению Петерса сообщение об этом было направлено в газету «Известия». Опубликовали его в середине февраля. С точностью установлено, писала газета, что «арестованные в курсе всех дел по совершенным за последнее время разбойным нападениям и хорошо знают всех участвовавших в последних бандитских выступлениях. Большинство совершенных преступлений благодаря удачному задержанию указанных выше 65 человек можно считать в данный момент уже раскрытыми, личности бандитов, принимавших участие в этих преступлениях, точно установлены, обнаружены также квартиры, служившие местом сборищ бандитов и их совещаний перед совершением того или иного разбойного набега.

Такая оценка проведенной работы не могла не радовать.

— Видал, Мефодий? — гордо потрясал Груздь газетой перед носом Мартынова. — Центральная пресса оценивает. Так черным по белому и написано. — Он поднял кверху заскорузлый палец: «Благодаря удачному задержанию указанных свыше 65 человек...»

Но Мартынов не разделял восторга матроса: Кошелев со своей бандой по-прежнему был на свободе. Правда, нам удалось взять нескольких уголовников, близких к его шайке. Среди них — Гришку-Кобылью голову, Заводного и Лешку Картавого, но о Кошелькове они ничего не знали.

***** XXII

— ВАМ ПИСЬМО, гражданин Белецкий! — сказала жена доктора, когда я забежал вечером переодеться. (После визита Кошелькова Тушновы разговаривали со мной сугубо официально.)

«Наверное, от сестры», — подумал я, взяв серый конверт. Но мадам Тушнова, кривя губами, объяснила:

— От вашего приятеля, босняка с Хитровки.

— Спасибо, — поблагодарил я, направляясь к себе.

Но жена доктора меня окликнула:

— Минуточку, гражданин Белецкий!

— Да?

Хотя в цветастом капоте, с торчащими из-под ночного чепца бу-
мажными папиюточками, трудно было изобразить богиню мщения,
мадам Тушнова воплощала Немезиду.

— Видимо, гражданин Белецкий, — холодно отчеканила она, — вы считаете, что ваш друг, который явился под видом агента ЧК, не полностью обчистил квартиру, и решили приспособить к этому революционному делу своего малолетнего — как это в вашей среде говорят? — кореша? Так я вас предупреждаю, что муж уже написал куда следует о ваших неблагоприятных поступках. Да, написал, и не делайте, пожалуйста, зверской физиономии, вы меня не запугаете! Стыдитесь! — внезапно взвизгнула она и подняла для чего-то вверх указательный палец, на котором матово блеснул перстень.

Ее выпуклые глаза так выкатились, что, казалось, еще секунда, и они выпадут из орбит и со звоном покатаются по паркету. Но она тут же успокоилась и продолжала уже своим прежним замороженным голосом:

— Муж не только написал, но лично был на приеме у весьма высокопоставленного лица, имя которого вам знать совершенно не обязательно. И тот его заверил, что примет соответствующие меры. Вам это, надеюсь, понятно? Самые решительные меры пресечения!

— Все?

— Нет, не все. После всего происшедшего мы со своей стороны решили принять меры, гарантирующие нашу безопасность. С нас достаточно налетов! Поэтому я вас предупреждаю, чтобы вы не смели являться позже шести часов вечера. После шести можете ночевать на Хитровке! В бандитском логове! В притоне! Но не смейте ломиться в квартиру к честным людям! Никто двери вам после шести часов открывать не будет!

— Только попробуйте!

— Да, никто двери вам открывать не будет, хоть стреляйте!

— А вот начну стрелять, тогда посмотрим! — пообещал я.

Эффект от сказанного превзошел всякие ожидания: мадам Тушнова побелела и ее щеки приобрели цвет бумажных папилюток. Наступила тишина. В прихожую заглянул доктор.

— То есть как стрелять? — промямлил он.

— Очень просто.

— В кого?

— В дверь, из браунинга, — с холодным бешенством сказал я.

— Выродок! Бандит! Хулиган! — взвизгнула мадам Тушнова, скрываясь в своей комнате.

Из-за двери до меня донеслись громкие рыдания и истерические выкрики:

— Бобочка! Этот негодяй нас убьет! Бобочка, беги в ЧК!

Я понимал, что моя выходка смахивает на хулиганство. Но сдержаться я уже не мог: один вид этих обывателей вызывал раздражение, а тут еще грязь, которую она вылила на меня и Тузика, а главное — упоминание о Кошелькове, о моей оплошности, за которую я себя казнил день и ночь...

С чего это Тузик решил затеять со мной переписку?

Мне показалось это забавным. Со времени нападения на Ленина мальчишка ко мне не заходил. Правда, я его как-то видел мельком в уголовном розыске, в приемной Медведева. Но поговорить было некогда. Кстати, как он оказался в приемной? Что ему потребовалось от Медведева? Совсем от рук отбился. Надо будет поговорить о нем с Груздем. Если уж тот взял над ним шефство, то пусть по-настоящему займется мальчишкой, а то болтается он неизвестно где, дружит неизвестно с кем. Недаром говорят, что у семи нянек дитя без глазу. Если пойдет со своими хитровскими приятелями по скользкой дорожке, то уже что-либо предпринимать будет поздно. И почему у человека должно быть так много забот?

Надорвав конверт, я достал тщательно сложенную записку. На пористой серой бумаге, видимо оберточной, химическим карандашом было нацарапано: «Саша! Есть об чем поговорить. Очин важно!!! Приходи в «Стоило Пигаса». Тимофей».

Что у Тузика за «очин важные дела»? В конце концов мог бы и подождать меня здесь.

«Стоило Пегаса» находилось на Тверской, а в моем распоряжении было всего полчаса: Мартынов включил меня в группу, которой была поручена ночная операция. На допросе невеста Кошелькова Ольга, худенькая истеричная девушка, между прочим показала, что Кошельков несколько раз бывал на даче у родственников Клинкина (Ефимыча). Один раз она ездила туда вместе с ним и запомнила расположение дачи. Про эту дачу слыхала и Севостьянова, которая утверждала, что Кошельков часто хранил там награбленное. Поэтому дача на всякий случай была взята под наблюдение, разумеется, негласное. Сотрудники, которым это поручили, ежедневно информировали Мартынова, что ничего подозрительного они не замечали. Мартынов уже хотел было снять оттуда людей, когда Конек, задержанный в подпольном карточном притоне, сказал, что Кошельков намеревался скрыться из Москвы и договорился встретиться с Клинкиным на какой-то даче, куда он свозил награбленное. Что это за дача и где она находится, Конек не знал, но об этом теперь было нетрудно догадаться. Таким образом, представлялась реальная возможность захватить сразу же двух бандитов. Да, Тузика сегодня повидать не удастся. Придется ему отложить свое «очин важное дело» до следующего раза.

***** XXIII

МАРТЫНОВ отличался исключительной пунктуальностью: если он назначал выезд на десять часов ноль-ноль минут, то он состоялся именно в это время — ни на минуту позже, ни на минуту раньше. Об этой черте его характера знали все. Во дворе уголовного розыска уже стоял грузовик, возле которого толпились люди. Мартынов вместе с Медведевым стояли в стороне и о чем-то разговаривали. Мартынов был в длинной, почти до пят, шубе и круглой меховой шапке. Его широкая черная борода совершенно заиндевела.

— Забирайся, хлопцы! — зычно крикнул он.

В кузов один за другим с шутками начали залезать рабочие и сотрудники розыска.

— Хватайся! — протянул мне руку Виктор.

Я сделал вид, что не заметил ее, и, взявшись за обледенелый борт, лихо вскочил в кузов.

Мартынов открыл было дверцу кабины, но потом почему-то раздумал, махнул рукой в квадратной vareжке и, покряхтывая, полез тоже в кузов.

— В тесноте, да не в обиде, а? — сказал он, втискиваясь на узкую дощатую скамью между мной и Виктором. Выпуская изо рта клубы морозного пара, постучал по крышке кабины шоферу:

— Трогай!

В машине уместилось человек тридцать. Все сидели, тесно прижавшись друг к другу: было холодно. Мороз прихватывал основательно. Особенно это почувствовалось, когда выехали за город. Скрываясь от ветра, я так согнулся, что касался подбородком колен.

— Что скрючился?! — закричал на ухо Мартынов. — Тебе бы вагоновожатым поработать: каждый божий день на холоде восемь часов, а кто и все шестнадцать, две смены, трубит — на двадцать восемь рублей в месяц не проживешь с семьей. Две смены в графике у нас крестом отмечали. Вот мы промеж себя и шутили, что зарабатываем крест на Ваганьковском...

Не доезжая версты две до дачи, недалеко от линии Балтийской железной дороги, мы вылезли из машины. Мартынов отозвал в сторону одного из оперативных сотрудников и, показав ему на чертеже расположение дачи, что-то сказал. Тот кивнул головой и с группой рабочих направился по дороге куда-то влево, видимо, в обход. Остальные, за исключением двоих, оставшихся в машине, по одному и по двое пошли к даче по разным сторонам узкой улочки. Моим напарником был Мартынов. Впереди нас на этой же стороне, метрах в десяти — пятнадцати, маячила спина Виктора. Несколько раз мы сворачивали, и я подумал, что один я бы ни по какому плану этой проклятой дачи никогда не нашел. Внезапно Виктор исчез, словно сквозь землю провалился.

— Пришли, — сказал Мартынов и мотнул подбородком в сторону одноэтажного домика за низкой изгородью.

Домик находился в глубине двора. Его окружали заснеженные деревья.

— Подожди, — остановил меня Мартынов, когда я начал искать на ощупь щеколду калитки.

Некоторое время мы молча стояли, прислонившись к калитке. Потом кто-то дважды свистнул. Только тут я заметил Виктора: он стоял во дворе, почти слившись со стволом старого развесистого дерева. После свистка он поднял руку, махнул рукой и другой сотрудник, стоявший по другую сторону тропинки. Его я тоже только сейчас увидел. Вся дача была окружена...

По узкой дорожке, протоптанной в глубоком снегу, мы прошли через оцепление к крыльцу. Я полез было на крыльцо, но Мартынов остановил меня: не лезь поперек бабки в пекло!

Став сбоку от двери, он постучал. Дверь тотчас открылась, будто нас уже ждали. На пороге стоял старик в ватнике, маленький, длинноносый, шуплый.

Не говоря ни слова, он пропустил нас в сени. Здесь было темно. Мартынов зажег зажигалку, и мы через кухню прошли в небольшую комнату, где над овальным столиком висела керосиновая лампа под цветным стеклянным абажуром. За столиком сидела старуха и раскладывала пасьянс.

— Вечер добрый, бабушка! — весело сказал Мартынов. — Как желания, сбудутся?

— Наследили, ноги лень вытереть...

— Чего там, — вступился старик, — гости издалеча... Ты бы чепухи не дала, замерзлоси...

— Вот и дай.

Мартынов скинул шубу и шапку.

— Шурка не приходил?

— Запоздывает чтой-то... А вы от него?

— Нет, папаша, из уголовного розыска.

— Вон оно что!

— Не тех гостей ждали?

— А нам все едино, — не поворачивая головы в нашу сторону, ответила старуха. — Мы люди маленькие.

— Маленькие-то маленькие, а бандитскую добычу храните.

— Это как же храним? — забеспокоился старик. — Слышишь, Надежда Федоровна, что товарищи сказывают, храним будто. Мы, дорогие граждане-товарищи, ничего не храним и не таим. Храним! Чего там хранить? Привезет Шурка: «Пусть полегит у тебя, тестюшка!»

Пусть полежит — не корова, корма не требует. А что и откуда, нам знать не дано, честно или нечестно добыто, нам неизвестно. Положил, и лежит. А что положил, и глядеть не будем, не любопытно нам.

— А нам любопытно, — прервал Мартынов расхажившего старика.

Бандиты свезли на дачу многое: меховые ротонды, мерлушковые пальто, бровровые воротники. В наволочке хранились романовские золотые и серебряные деньги, серьги, кольца, золотые безделушки. Отдельно лежали сложенные в аккуратные пачки царские струблевки и керенки.

— Хоть магазин открывай, — ухмыльнулся Мартынов, небрежно толкая ногой развязанные тюки. — Нелюбопытный все-таки ты, папаша!

Ефимыча привели через час. Руки у него были связаны. С расщепленной губы лениво скатывалась на грудь алая струйка крови, в густых курчавых волосах — снег, франтоватый романовский полушубок разорван в нескольких местах.

Я с любопытством разглядывал шофера Кошелькова. Ему было лет тридцать пять — сорок. Тяжелая, отвисшая челюсть, угловатое лицо с нечистой кожей.

— У калитки взяли.

— Один был?

— Один.

Мартынов встал.

— Когда Кошельков будет?

— Сначала руки прикажи развязать, — попросил Клинкин, — ремни режут.

— Только чтоб тихо, — предупредил Мартынов, — не буйствовать.

— Чего же буйствовать, когда вся хибара окружена, — рассудительно ответил Клинкин, отирая о плечо кровь с подбородка. — Видать, отгулял...

— Отгулял, Ефимыч, — согласился Мартынов. — Ваше дело такое: сегодня гуляешь, а завтра — в расход. Бандитское дело, одним словом. Так когда Яков будет?

— Не придет Яков Павлович. Завсегда так: большая рыба сети рвет, а малая в ячейках застревает.

— Ты философию не разводи! — прикрикнул Виктор. — Где Кошельков?

— Много у вас начальства, — прищурился Клинкин. — И он начальник, и ты начальство. Стакан самогона выпить дозволите?

Старик, шаркая ногами, принес бутылку и миску квашеной капусты с ледком. Ефимыч выпил, закусил, смочил в самогоне край вафельного полотенца и тщательно стер кровь с лица и с полушубка.

— Вот теперь и побалакать можно. Говорил мне, дураку, Яков Павлович, не сегодня-завтра легавые засаду на даче поставят, не суйся туда, Ефимыч, пропади пропадом барахло это. Не послушался, думал, успею...

Мартынов и Виктор переглянулись.

— Откуда Кошельков узнал про засаду?

— Упредили его.

— Кто?

— А я знаю, кто? Из ваших кто-то...

— Врешь!

— А чего мне врать?

На даче мы пробыли до утра. Кошельков так и не появился... Когда уводили Ефимыча, он в пояс поклонился старикам.

— Простите, коли в чем виноват!

— Бог простит, — ответила старуха, а старик подошел к нему и вкрадчиво сказал:

— Поминанье, Шура, закажем, не беспокойся. А полушубочек оставил бы, а? Тебе он теперь ни к чему, а нам со старухой какая ни на есть, а прибиль...

— Я тебе дам полушубочек, живоглот! — взорвался Виктор. — Еще кальсоны с него стащи! Не знаешь, что ли, какой мороз?!

— А ты не ори, не ори, — зашипела старуха, — тоже жалостливый! Дело-то семейное, ну и не встревай в него.

— Люди, — плюнул Виктор, — хуже зверья!

— Оно, конечно, темные мы, — подобострастно согласился старик, — никаких понятий, — и выжидательно посмотрел на Клинкина. Тот молча скинул с себя полушубок, на мгновение задумался и начал расстегивать черную на меху кожаную куртку.

Когда подошли к машине, губы у него посинели от холода, а нос заострился, как у покойника.

Виктор бросил ему шубу.

— Надень! — А на вопросительный взгляд Мартынова объяснил: — Из тюков, которые на даче нашли... Приедем в розыск — отбе-ру, — и, словно оправдываясь, добавил: — Бандит-то он бандит, а человек все-таки...

Мартынов промолчал.

***** XXIV

КТО СООБЩАЕТ Кошелькову о всех готовящихся операциях уголовного розыска?

Догадок было много, однако каждый хранил свою про себя. Допросам задержанных по делу Кошелькова занимались пять-шесть следователей. От них протоколы допросов поступали к Медведеву, который делал пометки с указанием, что необходимо дополнительно выяснить, а затем возвращал их следователю или передавал оперативному сотруднику для разработки очередной операции. Мы с Виктором как раз занимались таким протоколом, когда в кабинет вошел Груздь.

— Корпите?

— Угу.

— А я пришел прощаться, в армию еду.

Мы с Виктором одновременно повернулись в его сторону.

— Зачислили?

— Пока нет, но...

— Подожди, подожди, — сказал Виктор, — Александр Максимович тебя отпустил!

Груздь насупился, и от этого его круглое широкое лицо поразительно стало походить на лицо несправедливо обиженного ребенка.

— Если рассуждать диалектически, — скучно сказал он, — каждый гражданин молодой республики имеет полное революционное право с винтовкой в руках проливать свою алую кровь на полях сражений.

Когда Груздь говорил словами из лозунгов и плакатов, это озна-

чало, что его что-то гложет. Поэтому Виктор отложил в сторону листки протокола и мягко сказал:

— Ты диалектику пока оставь, а лучше скажи, что приключилось?

— Ничего.

— А если по правде, как на исповеди?

— Я неверующий, — вздохнул Груздь и добавил: — Религия — опиум для народа.

— Ясно, — кивнул Виктор. — Ну так что произошло?

Груздь помолчал.

— «Что случилось? Что случилось?» Спор у меня с Александром Максимовичем вышел. Доверчивая он душа...

— Ну и?..

— Ну и хочет меня турнуть...

Груздь, как всегда, сгущал краски. Нагоняй от Александра Максимовича он получил основательный, но никто его из уголовного розыска выгонять не собирался.

А произошло следующее. Накануне он и Горев получили задание арестовать на Божедомке одного перекупщика, который, по агентурным данным, был связан с Кошельковым. Выехали они вместе, но у цирка Груздь остановил извозчика и, тронув Горева за плечо, предложил: «Слазь». «Что?» — не понял Горев. «Слазь, — говорю. — Меня Кошелькову не заложить».

— Так и сказал?! — ахнул Виктор, когда Груздь неохотно поведал эту историю.

— А что? Чего мне со всяким контрреволюционным гадом церемониться? Он нас Кошелькову продает, а я ему в глазки заглядывать буду?

— С чего ты взял?

— Своим революционным нутром чувствую. Он, больше некому.

— Какие у тебя доказательства?

— Чудак человек, — удивился Груздь, — если б доказательства, я бы его прямо на мушку — и никаких разговоров.

Присшествие стало достоянием всего уголовного розыска. Горев недолюбливали за барственность, ироническую манеру разговора с товарищами, за надменность. Ни для кого не было секретом и то, как он относится или по крайней мере относился к Советской власти. Все это, вместе взятое, не могло не создавать вокруг него атмосферы недоброжелательности. Гореву, правда, никто ничего в глаза не говорил, но за его спиной шушукались, и он это чувствовал. В те дни Горев держался еще более официально, чем обычно. Был он спокоен, сдержан, и только по темным теням под красивыми миндалевидными глазами да по судороге, которая время от времени дергала плотно сжатые губы, чувствовалось, как тяжело он переживает происходящее.

Но все это — шушуканье, намеки — прекратилось довольно скоро.

На очередном оперативном совещании особой группы выступил Медведев. Подводя итоги работы по розыску участников нападения на Ленина, он между прочим сказал, обращаясь к Гореву: «Считаю своим долгом извиниться перед вами, Петр Петрович, за поведение Груздя. Мы верим в вашу честность». И этих двух фраз было достаточно, чтобы пресечь все разговоры.

— Нельзя было тебе так с бухты-барахты лпать, — убеждал Груздя Виктор, когда мы возвращались домой после совещания. — Ну дворянин, белая кость. А разве мало дворян революции жизни

свои поотдавали? Возьми Пестеля, Рылеева, Муравьева... А нынешние военспецы?

— А что военспецы? Через одного все предатели, потому и драпаем от белой сволочи. Если рассуждать диалектически, их всех бы надо в ставку Духонина отправить, — упрямо бубнил Груздь.

— Может, управляющего делами СНК Бонч-Бруевича тоже в ставку Духонина отправить надо?

— Я ему про Ерему, а он про Фому... При чем тут Бонч-Бруевич?

— А при том, что он дворянин.

— Хо!

— Вот тебе и «хо». И не один он, много дворян интересам рабочего класса служат. А в белых армиях разве мало рабочих и крестьян?

— Так их же обманули!

— Но факт остается фактом, есть и сражаются со своими братьями по классу. Ты знаешь, что в грамматике, к примеру, нет почти ни одного правила без исключения? Прилагательные с суффиксами «ан», «ян» пишутся с одним «н», и тут же тебе исключение: «оловянный, деревянный и стеклянный» — с двумя...

— Скажи, пожалуйста, — поразился Груздь, которого всегда восхищали чужие знания в любой незнакомой ему области. — В гимназии учили?

— В гимназии, — отмахивался Виктор. — Да не в том суть, где учили. Я это тебе к тому привел, что исключения всегда бывают, и в грамматике, и в политике. Купцы, капиталисты, фабриканты против нас?

— Научный факт.

— Вот. А Савва Морозов большевиков деньгами снабжал, помогал им революцию делать, свой класс свергать...

— Это он с жиру бесился, — подмигнул Груздь. — У нас в деревне тоже один купчишка был, Тоболев. Как свинья, жирный, зимой снега у него не допросишься, а надрызгается и обязательно орет: «Долой самодержавие!» Проспится — к нему околоточный. «Дормидонт Савватеевич, опять изволили-с в пьяном виде крамольные речи супротив государя императора говорить». «К свержению призывал?» «Так точно-с». «Августейшую фамилию поносил?» «Было-с». «Весь мир голодных и рабов» выкрикивал? «Не без того-с». «Тогда, значит, не менее дюжины бутылок употребил. На красненьку, щеколдынки за мое здоровье».

Виктор приснул, не удержался от смеха и я.

— Ну разве можно с тобой серьезно разговаривать?

— С умом все можно, — нравоучительно сказал Груздь, — а без ума ничего нельзя. Неспроста во флоте говорят, что маленькая рыбка лучше, чем большой таракан. А ты мне вместо рыбки все таракана норовишь подсунуть да еще из него стерляжью уху хочешь сварить. Про революционное чутье слышал? Вот у Тузика, он же Тимофей, можешь поучиться. Насквозь революционный пацан и уже до коммунизма дозрел, а ты еще не дозрел, если не понимаешь, что такое революционное чутье...

Груздя переспорить было невозможно. Разговор перешел на Тузика. Груздь его случайно встретил на прошлой неделе в «Столе Пегаса».

— Махаю ему рукой, а он будто не замечает, — сокрушался матрос, — к дверям пробирается. Выскочил я на улицу, а его и след простыл. Может, обиделся за что? А пацан замечательный, когда-нибудь

большим человеком будет: профессором каких-нибудь наук или дантистом.

Распрощались мы у Сретенских ворот. Пожимая нам руки, Груздь сказал:

— А то, что Горев, голову заложить могу!

Но закладывать голову ему не стоило: информатором бандитов оказался человек, на которого до этого не падало и тени подозрения...

Через несколько дней один из бандитов, Козуля, на допросе у Виктора показал, что Сережка Барин хвастался ему, будто у Кошелькова в уголовном розыске есть свой человек и ему-де ничего не страшно, что Кошельков и он, Сережка, всегда выйдут сухими из воды.

«Мне было любопытно, кто же этот деляга, но Сережка на мои вопросы не отвечал, а однажды пригрозил даже отправить на луну, если я не отстану, — собственноручно писал в протоколе Козуля. — В октябре или ноябре прошлого года я, Кошельков и кум Севостьянов Жеребцов играли в шtos у Курочкина, который из-за своей малоидейности на второй год революции по-прежнему содержит мельницу^{*} на Тверской. Около часу ночи в комнату зашел Сережка и сказал Якову, чтобы он вышел. Но Кошелькову здорово везло в карты, и он выругал Сережу матом, а выйти отказался. Тогда Сережка подмигнул ему и говорит, что с ним желает поговорить тот самый парень, которого он знает. «Чернуха?» — спросил Кошельков и сразу же вышел, даже не положил в карман выигрыш. Среди московских блатных уголовных лиц под воровской кличкой Чернуха никого нет. Почему-то я и решил, что Чернуха и есть тот самый деляга из милицeйских. А мне было любопытно его поглядеть, поэтому я будто бы пошел по нужде, а сам через щель в двери нужника видел, как из соседней комнаты вышел чернявый гражданин в кожаной куртке, а за ним Кошельков и Сережка Барин. Чернявый гражданин тотчас ушел вместе с Сережкой, а Кошельков вернулся в комнату, где шла игра. Думаю, что того чернявого гражданина в интересах истины смогу опознать».

***** XXV

МНЕ КАК-ТО пришлось наблюдать за работой художника. Он рисовал карандашом. Хаотическое нагромождение волнообразных и прямых линий, точки, совсем темные и совершенно светлые места. И вдруг в какой-то неуловимый момент этот хаос штрихов превратился в лицо человека. И, глядя на него, я невольно удивлялся: как же я раньше не понимал, что художник рисует? Ведь было ясно с самого начала, что эти волнистые линии — спутанные волосы, лоб, сжатые штрихи бровей, глаза, нос, линии рта, подбородка. Все это уже было нарисовано несколько минут назад, но не воспринималось как единое целое. Лица еще не было, оно пока существовало только в воображении художника. Но вот несколько быстрых движений руки, и лицо возникло уже на бумаге — своеобразное, неповторимое в своей индивидуальности. Я мог себе теперь представить его прошлое, настоящее, безошибочно определить характер, наклонности, те цели, которые он ставил перед собой в жизни, его привычки, даже домыслить, над чем он сейчас думает, глядя на меня с плотного листа бумаги... И это чудо со-

^{*} Мельница — тайный картонный притон.

вершили несколько, а может, даже один штрих, маленький штрих, связавший все в единое целое, осветивший под определенным углом кажущийся хаос различных черточек...

И, думая сейчас об Арцыгове, я прежде всего вспоминаю не убийство Лесли, не совместные операции, не его общепризнанную храбрость и бесшабашность, а то, как он полулежал в неудобной позе во дворе уголовного розыска и скручивал изувеченными пальцами козью ножку, тоску и безнадежность в глазах, усмешку человека, который понял никчемность своей детской мечты и то, что его короткая жизнь прожита напрасно...

Мы с Арцыговым играли в шахматы в моем кабинете. Первую партию он свел вничью, использовав вечный шах. Во второй ему удалось сгруппировать на моем правом фланге довольно внушительные силы, и он начал развивать атаку. Я как раз продумывал комбинацию, которая должна была разрушить все каверзные планы противника, когда в комнату вошел Мартынов.

— Здорово, Мефодий! — крикнул Арцыгов. — Глянь, как его разделяваю.

Мартынов не ответил на приветствие.

— Ты мне нужен.

Сказал он это тихо, спокойно, но, видимо, в его тоне было что-то такое, что насторожило Арцыгова. Арцыгов поднял глаза, и несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

— Ну? — Мартынов положил руку на его плечо.

Арцыгов встал, бросил мне:

— Шахмат не трожь, гимназист, доиграем.

Они вышли. Впереди Арцыгов, сзади Мартынов.

Я вновь склонился над доской и вдруг услышал шум, звон разбиваемого стекла. Еще не понимая, в чем дело, я стремительно выскочил из комнаты в коридор и увидел Мартынова у окна с выбитыми стеклами.

— Что произошло?

— В окно выпрыгнул Чернуха, бежать хотел...

Чернуха... Откуда мне знакома эта кличка? Ну, конечно, так Козуля называл пособника Кошелькова в уголовном розыске. Значит...

Перескакивая через ступеньки, я сбежал с лестницы.

Арцыгов лежал на боку, приподнявшись на локте, одна нога была неестественно вывернута в сторону, видимо, он сломал ее при прыжке. Лицо напряжено, рот перекошен, зло поблескивают глаза. Вокруг него несколько сотрудников. Один из них пытался его приподнять.

— Машину и носилки, — сказал Мартынов.

— В больницу повезем?

— Да, в тюремную.

Спросивший, широкоплечий молодой парень, недавно принятый на работу в розыск, в растерянности приоткрыл рот.

— Чего стоишь, твою мать?! — побагровел Мартынов. — Живо за машиной!

Парня как ветром сдуло. Мартынов присел на корточки, заглянул в лицо лежавшему.

— Пушку сам отцепишь или помочь? — Он постучал пальцем по кобуре нагана Арцыгова.

Тот хохотнул, попробовал сесть, но вновь упал на локоть.

— Сними, несподручно.

Мартынов осторожно, чтобы не причинить боль, отстегнул пояс с привешенной к нему кобурой, повертел ее в руках и передал одному из бойцов. Арцыгов насмешливо наблюдал за ним черными цыганскими глазами.

— Не сопливись, Мефодий, на том свете все свои грехи замолю. Как в песне поется: «И пить будем, и гулять будем, а смерть придет, умирать будем»? Хороша песня, а?

— Не скоморошничай, — глухо сказал Мартынов. — Где доля в добыче?

— На квартире, в голландской печке, в ящичке...

Арцыгов застонал, закусил нижнюю губу.

— Нога болит?

— Нет, душа... Дай закурить.

Мартынов оторвал клочок газеты, насыпал махорки.

— Свернешь?

— Сверну.

Арцыгов начал сооружать козью ножку. А я не отрываясь смотрел, как он принимает изувеченными с детства пальцами крошки махорки. В глазах его была тоска. О чем он в ту минуту думал? О Леньке, топтавшем его руку, когда она тянулась за кашей в сиротском приюте? О своей постыдной жизни? О Кошелькове? О бандитском золоте, так и не давшем ему власти? О позорной смерти? О товарищах, которых он предал?

Подъехал «даймлер». Арцыгова положили на заднее сиденье. Он вяло махнул рукой стоявшим неподалеку сотрудникам уголовного розыска.

— Прощайте, хлопцы!

Ему никто не ответил. Люди угрюмо молчали, провожая глазами отъезжавшую машину.

Я пошел к себе, заглянув по пути в дежурку. Здесь, как всегда, было шумно, накурено, обсуждалось происшествие.

— Понимаешь, — громко говорил широкоплечий парень, тот самый, которого выругал Мартынов, — сиганул он в окно, да только неловко, что ли, вскочил было, да свалился мешком. Я — к нему. Думал, понимаешь, сорвался человек, мало ли что бывает...

— «Мало ли что бывает», — передразнил его боец в треухе. — Арцыгова не знаешь, — жох, такого отчаянного во всей Москве не найдешь. И ловкий был, ох ловкий! И вот на тебе, на деньги бандитские польстился... Чего ему эти деньги дались? Когда их только, проклятых, уничтожат...

— Ха, уничтожат!

— А что? Уничтожат. Наш комиссар так и говорил: при коммунизме сортиры из золота делать будем. Понял? Сортиры...

— Ну уж. Сортиры...

— Точно, комиссар наш — парень башковитый. Что сказал — сургучом припечатал. А по мне и сейчас деньги — тьфу, дерьмо одно!

— А как его уличили?

— А совещание утреннее помнишь? Говорят, Козуля за ширмой под охраной сидел и оглядывал всех. На Арцыгова и указал. Тот, говорит, и есть Чернуха. Так и накрыли. Теперь хана Кошелькову... Мартынова только жаль: верил Арцыгову, как брату родному, а тот ему в душу нагадил...

Я поднялся на второй этаж. Здесь гулял ветер. Двое красноармей-

цев пытались закрыть разбитое окно фанерным щитом, но он никак не влезал в раму. На полу валялись осколки. Я прошел к себе в комнату. На шахматной доске точно так же стояли коричневые фигурки.

Да, Арцыгову доиграть не удалось, но он бы все равно проиграл. Я еще раз проверил задуманную мной комбинацию. В любом варианте мат через четыре хода...

Зашел Виктор, посмотрел на шахматную доску.

— Забавляешься?

— Забавляюсь...

— А знаешь, что Чернуха — это Арцыгов? Только сейчас его увезли, бегать пытался...

— Знаю. Эту партию я играл с ним.

— Так-так, — растерянно сказал Виктор, вертя в пальцах белую ладью. — Вот никогда бы на него не подумал... Ведь так получается, что расстрел на Хитровке он устроил, чтобы спасти Кошелькова: боялся, что Лесли его выдаст. И побег Кошелькову, когда того в Вязьме взяли, он организовал, и операцию в Немчиновке сорвал... Много он навредил, год нас за нос водил.

— Вреда много, это верно. Только за нос он сам себя водил...

— Что-то непонятно...

Я рассказал Виктору про сиротский приют, про Ленку, про искалеченные пальцы.

— М-да, история... Мало мы все-таки знаем друг друга. Но мне его, Саша, не жалко, нет. Могу тебе повторить, что уже говорил: собственными руками мог бы его убить.

Виктор смахнул фигуры с доски, сложил их в коробку.

В комнату заглянул Груздь.

— Горева не видели?

— Нет, а что?

— Ничего, просто мне нужен товарищ Горев.

— Слыхал? — усмехнулся Виктор, когда Груздь ушел. — Горев товарищем стал называть. Это что-нибудь да значит! Кстати, Горев сегодня так к Медведеву обратился: «Товарищ Медведев».

— Можно привыкнуть!

— Нет, тут дело не в привычке: просто Петр Петрович начинает понимать, на чьей стороне правда. Что ж, давно пора уяснить, что революция — это не только поломанные стулья и сожженные усадьбы...

***** XXVI

ВСЕ УЧАСТНИКИ нападения на Ленина, за исключением Кошелькова и Барина, уже были арестованы. Но эти двое по-прежнему оставались на свободе. Им повезло. Тем не менее круг сужался. Это понимали работники уголовного розыска и сами бандиты. После разоблачения Арцыгова Кошельков стал нервничать, это чувствовалось по его поведению. В его налетах не было прежней дерзости, расчетливой уверенности, на смену им пришла почти болезненная подозрительность, мнительность.

«Психует Яков, — говорил на допросе один из его сообщников. — Намедни чуток Сережку не порешил. Ты, говорит, гад, сыскарям заложить меня хотишь. Все вы, говорит, сыскарям мою голову принести заместо подарка желаете, только я ее еще чуток поношу. Я не Чернуха, меня голыми руками не возьмешь... Оценно за Чернуху и Ольгу

сердцем болеет. На розыск напасть грозитя. Только ребята этого не желают, боятся»...

Больше всего мы опасались, что Кошелев уедет из Москвы. Это было бы самым естественным в его положении. Но он по-прежнему оставался в городе. Это мы знали точно. Кошелев словно играл в прятки со смертью. Но играл уже без прежней изобретательности и находчивости, только оттягивая время, а может быть, и на что-то надеясь... Человек всегда на что-то надеется...

А круг сужался. И наконец наступил день, которого мы так долго ждали.

Сеня Булаев, Груздь, Савельев и я сидели на какой-то промасленной, вонючей ветоши в маленьком сыром сарайчике. За зиму хозяева разобрали его почти наполовину, использовав на дрова все доски, которые еще не совсем сгнили. Сквозь широкие проемы в тухлявой крыше чернело небо, скупо присыпанное белесыми звездами. Курить Мартынов запретил, но мы все-таки курили. Отползали по одному к задней стенке сарая и, накрывшись с головой, курили, с трудом удерживая в онемевших пальцах плохо скрученные сигарки. Иногда Савельев, который плохо оправился после ранения, тихо кашлял в плотно прижатый ко рту платок, и тогда Груздь укоризненно качал головой. Мы находились в этом проклятом сарайчике уже восемь часов. Было два часа ночи.

Слева, в домике с облезшими зелеными ставнями, притаились Мартынов, Горев и Сухоруков. Напротив, на другой стороне переулочка, в нижнем этаже двухэтажного особнячка бандитов ждали еще четверо сотрудников во главе с Медведевым. Откуда Медведев узнал, что Кошелев и Сережка Барин будут сегодня ночью в этом домике с зелеными ставнями, мы не знали. «По агентурным сведениям», — сказал Медведев. Но ведь с агентурой работают Мартынов, Савельев и Горев. Медведев непосредственно с агентами розыска связки никогда не имел. Кто ему мог дать эти сведения?

Под утро ветошь покрылась толстым слоем инея. Савельев кашлял все чаще и чаще. Я заснул оочевашие руки под рубашку и сразу же почувствовал, как все тело покрылось гусиной кожей. Ноги занемели, и мне казалось, что я не смогу встать. Сеня Булаев, навалив на себя тряпье, свернулся клубком. Сипло дышал Савельев, поджав под себя ноги и нахохлившись, как большая черная птица.

Вдруг предрассветную тишину разорвал дикий протяжный крик: — Я-ау-у-у!

Мы мгновенно вскочили, но Груздь сделал рукой успокаивающий жест. Сквозь широкую щель между досками я увидел, как откуда-то сверху во двор спрыгнул кот. На мусорном ящике грязно-белая кошка дугой выгнула спину. Вновь звучит призывное:

— Я-ау-у!

Чувствую, как кто-то до боли сжал кисть моей руки. Это Груздь. Мускулы его круглого лица напряжены.

По двору осторожно идут двое. Впереди Сережка Барин, за ним на расстоянии нескольких шагов — Яков Кошелев.

— Я-ау-у!

Кошелев хватается за маузер. Ага, значит, тоже нервы пошаливают!

— Брысь! — машет рукой Сережка Барин.

Но черный кот неподвижен, только вздрагивает кончик вытянутого в прямую линию хвоста.

— Я-ау-у! — тянет он, не спуская своих горящих круглых глаз с подруги. — Я-ау-у-у!

Чувствую за своей спиной сипловое дыхание Савельева, рядом с ним Сенья, в его полусогнутой руке поблескивает никелем браунинг. «У Арцыгова на сапоги выменял», — почему-то мелькнуло у меня в голове.

Сережка подошел к крайнему от нас окну, легонько три раза постучал в ставню. Немножко подождал и еще два раза. Потом закурил папироску. Видимо, ждет ответного сигнала. А что, если сигнала не будет? Нет, Медведев все знает и все предусмотрел. До нас едва слышно доносится стук. Раз-два, раз-два. Это кто-то внутри домика стучит по оконной раме. Так, все в порядке. «Пошли», — кивает Сережка Кошелькову. Но тот не торопится. Не снимая руки с коробки маузера, он озирается по сторонам. Неужто заподозрил что-то неладное?

Сережка поднимается на крыльцо. Бренчит снимаемая цепочка, щелкают отпираемые запоры. Кошельков не двигается с места. Стоит, как изваяние, — длинный, сутулый, широко расставив ноги в высоких хромовых сапогах.

Дверь приоткрылась. Барин взялся рукой за дверную скобу, подался вперед и тут же отскочил.

— Шухер!

Мы выскочили из сарая. С крыльца домика скатывался Сухорук, за ним Мартынов и Горев.

Вижу, как Сережка в упор стреляет в Мартынова. Одновременно кто-то стреляет в него. Сережка падает под ноги бегущим, об него спотыкается Горев и тоже падает. Кошельков, согнувшись, бежит к воротам, делая заячьи петли.

— Стой!

Кошельков не оборачивается. В него не стреляют, хотят взять живым.

— Стой, гад! — кричит Груздь, топая сапожищами.

Внезапно бандит остановился, он увидел у ворот группу работников розыска.

— Бросай оружие!

Кошельков отпрыгнул в сторону и, вертя маузером, начал стрелять. Он вертелся на одном месте, как волчок, по-звериному оскалив зубы.

Рр-ах! Рр-ах! Рр-ах! — зачастили выстрелы.

Вытянув перед собой руку с браунингом, я нажал на спусковой крючок. Выстрелов не услышал, только почувствовал, что браунинг задергался в моей ладони, как живой. Кошельков начал медленно оседать. Потом попытался подняться и упал на спину, с его головы слетела круглая шапка и покатилась по земле. Я не мог оторвать глаз от этой катящейся, как колесо, шапки.

Первыми к Кошелькову подбежали Мартынов и Груздь, потом не спеша подошел Медведев. У Мартынова правая щека была залита кровью: пуля Сережки Барина содрала у виска кожу и подпалила волосы. Кроме него ранены еще двое, один из них, шестнадцатилетний паренек, только вчера принятый на работу в розыск, тяжело. Он полусидит на верхней ступеньке крыльца, прижимая руки к животу, и тихо стонет, по лицу катятся слезы. Над ним склонился Горев. Возле Кошелькова — человек шесть. До меня, как сквозь сон, доносится:

— Живой!

— Какой там живой, на ладан дышит!

- Шесть пуль...
- Почему не обыскиваете?
- В крови он весь...
- Ничего, не замараешься!

Савельев, держа в одной руке револьвер, другой мелко крестится. Это смешно, но никто не улыбается. Мы с Виктором подходим к Сережке Барину. Он убит наповал: пуля, выбив передний зуб, вошла в рот и вышла через затылок. Рядом с ним валяется наган.

Наконец появился врач, маленький, толстый, с заспанными глазами. Он осмотрел раненного в живот паренька и приказал отправить его в больницу, затем сделал перевязку Мартынову, взглянул на Кошелекова и подошел к нам. Не сгибаясь, безразлично бросил взгляд на труп Сережки Барина.

— Ну-с, этому медицинская помощь не понадобится. Бандит?

— Да.

— Что и говорить, рожа разбойничья.

— Кошелеков выживает?

— Это тот? — Врач через плечо, не поворачиваясь, ткнул пальцем в сторону Кошелекова, над которым стоял фотограф с треножником. — Удивляюсь, что до сих пор жив: кровавое решето. Закурить не найдется?

Виктор достал кисет.

— Махорочка? Один мой коллега считает, что для здоровья она полезней. Знаете, конечно, профессора Гераскина?

Я ответил, что профессора Гераскина мы, к сожалению, не знаем.

— Большой оригинал-с! Про него рассказывали, что он...

— Белецкий, Сухоруков! — крикнул Мартынов.

Надо было перенести Кошелекова в пролетку. Он оказался неожиданно тяжелым. Мы вчетвером еле его подняли. На губах раненого пузырилась кровавая пена, он силно дышал. Голова откинута, на изогнутой шее — острым бугром кадык. После того как Кошелекова положили на солому, Виктор подложил ему под голову свернутый ватник и начал рукавом стирать с губ кровавую пену.

— Не старайтесь, молодой человек, — усмехнулся врач, — он уже больше чем наполовину в лучшем мире. Так и умрет, не приходя в сознание. Хорошо еще, если живым довезете. Плюньте!

— Иди ты, знаешь куда?!

Врач пожал плечами.

Вот и конечно с Яковом Кошелековым. Банда ликвидирована... И мне вспомнились слова Мартынова, когда он беседовал на даче с Клинкиным: «Ваше дело такое — сегодня гуляешь, а завтра — в расход. Бандитское дело, одним словом». Кошелекову в этом отношении повезло: он не расстрелян, а убит в перестрелке. Его приятелей ждет худшая участь... А впрочем, разница невелика...

— Саша! Ты чего подарки разбрасываешь?

Виктор протянул мне зажигалку в форме маленького пистолета, ту самую, которую я отдал Кошелекову. Она, видимо, выпала из кармана умирающего, когда мы его укладывали в пролетку.

— Спасибо.

Кучер старательно объезжал большую лужу, похожую своими очертаниями на оставленный в сторону большой палец руки. Пролетка сильно накренилась.

— Эй, дядя, поосторожней! — крикнул Виктор, упираясь рука-

ми в навалившееся на него горячее тело Кошелькова — Вывернешь! Воспользовавшись тем, что он отвернулся, я размахнулся и бросил зажигалку в самую середину лужи...

Не доезжая нескольких кварталов до розыска, врач попросил остановиться...

— Счастливо, — сказал Виктор. — Если что не так, извините. Но не люблю, когда об умирающих так говорят...

— Это делает вам, разумеется, честь, — иронично отозвался доктор. — Только в следующий раз я бы рекомендовал более тщательно подбирать слова и не тыкать.

— Чудак человек! — фыркнул Виктор, когда пролетка тронулась. — Как же я его к чертовой матери на «вы» посылать буду?

***** XXVII

ОТВЕЗЯ Кошелькова в уголовный розыск, я отправился за ордером, который завахоз выписал накануне. Я давно мечтал по-настоящему одеть Тузика, по-прежнему ходившего оборванцем. На складе мне выдали совершенно новый картуз с лакированным козырьком, хромовые сапоги, малиновые галифе, кожаную куртку и несколько косовороток. Косоворотки в ордере не числились, кладовщик их дал по доброте душевной или, как он выразился, «не по списку, а по добрости».

Разложив все это бесценное имущество у себя на кровати, я начал прикидывать, подойдет ли оно Тузику. Неожиданно вошел Виктор.

— Как Кошельков?

— Умер. А это что?

— Для Тузика... Галифе не великоваты?

Виктор взял в руки галифе, повертел их, помял и бросил на кровать.

— Подойдут?

Он промолчал.

— Ты чего?

Сухоруков стоял у окна и смотрел во двор.

— Виктор!

— Нет больше Тузика, Саша. Задушили его... за Кошелькова.

Я для чего-то сложил по выутюженным складкам галифе, завернул их вместе с курткой и сапогами в бумагу. Косоворотки остались лежать на кровати... Видимо, их тоже надо положить. Я вновь развернул сверток, положил косоворотки, запаковал, аккуратно перетянул крест-накрест шпагатом. Все это теперь уже ни к чему. Нет Тузика. Он больше никогда не придет в эту комнату, не будет читать этих книг, слушать рассказы Груздя, спорить со мной о сказках Андерсена...

— Зачем нужно было Медведеву привлекать его к операции?

— Он сам пришел, Саша.

— Сам, сам... Что он понимал?! Ребенок...

— Он всё понимал, Саша. — Виктор подошел ко мне, обнял. — Не надо, Саша.

Так меня обнимала в день смерти отца Вера и так же говорила: «Не надо, Саша». А почему, собственно, не надо? Почему человек должен сдерживать слезы, если ему хочется плакать? И я плакал. И слезы скатывались по моим щекам. И мне не было стыдно.

Только после смерти Тузика я узнал о той роли, которую он сыграл в ликвидации банды Кошелькова.

Тузик родился и вырос на Хитровке. Его приютила Севостьянова вместе с другим беспризорником, Сережкой Черным: Анне Кузьминичне нужны были мальчишки для выполнения различных деликатных поручений.

Тузик боялся Севостьяновой, но еще больше он боялся Кошелькова, который ни во что ставил человеческую жизнь. В 1918 году Кошельков на его глазах убил Сережку Черного: мальчишка слишком наболтал на допросе.

— Не будешь держать язык за зубами, и с тобой так будет, — нравоучительно сказал он, встретившись с расширившимися от ужаса глазами Тузика.

Дружба Тузика со мной, Виктором, а затем и с Груздем настояжила Севостьянову. Но вскоре она убедилась, что Тузик не «продавал» Хитровку уголовному розыску. Севостьянова несколько успокоилась. Правда, она теперь опасалась давать Тузику ответственные поручения, но по-прежнему не сомневалась, что он будет молчать.

Тузик хорошо знал неписанные законы Хитровки, карающие измену смертью. Он держал язык за зубами, держал до тех пор, пока банда Кошелькова не напала на Ленина... Трудно было решиться, но он понимал, что иначе поступить нельзя.

И тогда он написал мне: «Саша! Есть об чем поговорить. Очин важно!!!» А когда я не пришел в «Стойло Пегаса», он отправился к Медведеву.

О доме в Давом переулке на Хитровке знали немногие, а о том, что двадцать первого апреля там будет Кошельков и Барин, — только Тузик, потому что именно ему поручил Кошельков проверить, нет ли за домом наблюдения. Севостьянова была арестована, и некому было предупредить Кошелькова, что Тузику доверять больше нельзя...

Обо всем этом мне рассказал Виктор. А потом мы молчали. И в этом молчании было больше чувств и мыслей, чем в словах. Мы молча говорили о Тузике и Кошелькове, об Арцыгове и Мартынове, о нашем будущем, о Медведеве. Мы вспоминали и мечтали. И все время я чувствовал на своем плече руку друга, ощущал ее теплоту и суровую нежность.

***** XXVIII

УТРОМ меня вызвали в Медведеву печатать докладную в МЧК. Машинистка заболела, а Горев и Савельев, которые справлялись с этим делом не хуже ее, находились на задании. И я печатал под диктовку Александра Максимовича: «...при осмотре убитых обнаружено несколько бомб, два маузера, один наган и браунинг Ленина, а также документы МЧК и дневник Кошелькова, в котором он клянется «мстить до последней капли крови» своим преследователям, особенно за арест своей невесты Ольги Федоровой. В том же дневнике выражено сожаление, что не удалось убить т. Ленина. Браунинг мною переслан председателю ВЧК Ф. Э. Дзержинскому для вручения Владимиру Ильичу.

Направляю Вам дневник Кошелькова, карточки убитых бандитов и деньги в сумме шестьдесят три тысячи рублей, найденные у Кошелькова при осмотре в заднем кармане, через который прошла пуля...»

Медведев диктовал долго, обдумывая каждое слово. А я с нетерпением ждал, когда он закончит: мне необходимо было с ним поговорить. Только к старости, и то не всегда, человек осваивает великое искусство делиться своими переживаниями с самим собой. А мне тогда не было и девятнадцати. События этих дней вызвали у меня целый вихрь противоречивых мыслей и чувств, которые мог привести в стройную систему только один человек — Медведев.

Но разговор, которого я ждал, не состоялся. Александр Максимович только спросил:

— Тузика когда хоронят?

— Завтра.

— Где?

— На Немецком кладбище.

И все. Больше в тот день Медведев со мной не говорил.

Мне было горько и обидно. Я обвинял Александра Максимовича во всех смертных грехах, среди которых не последнее место занимала черствость. Только позднее, когда я стал старше, я понял, что Медведев просто не видел здесь никаких сложностей. Медведев был бойцом, а боец, идущий в атаку, не оборачивается, если увидит, что его товарища сразила пуля.

Хоронили Тузика на Немецком кладбище. Стоял погожий весенний день. Ночью прошел сильный дождь, и на мостовой кое-где поблескивали еще не высохшие под лучами солнца лужи. Гроб, реквизированный в какой-то конторе похоронных принадлежностей, был непомерно большим, и щуплое, маленькое тело едва виднелось среди красных лент. Мертвый Тузик выглядел взрослее, ему теперь можно было дать лет семнадцать — девятнадцать. В похоронах участвовала почти вся особая группа: Сеня Булаев, Горев, Мартынов...

Помню плотно сжатые губы Медведева, искаженное судорогой боли лицо Груздя, опущенные глаза Виктора. Почти дословно помню краткую речь Александра Максимовича:

— Это смерть за революцию, за очищение республики от скверны бандитизма, за коммунизм. Тузик не увидит то, за что он боролся, но зато это увидят миллионы его сверстников. Я уверен, они будут жить при коммунизме...

Гроб опускали в яму я и Сеня Булаев. После того как могилу забросали сырыми глинистыми комьями, Груздь старательно прикрепил дощечку, на которой чернильным карандашом печатными буквами было выведено: «Тимофей по прозвищу Тузик (отчество и фамилия неизвестны). Героически погиб в борьбе на внутреннем фронте 21 апреля 1919 года».

Много лет прошло с тех памятных дней. За эти годы я много пережил и перевидал. Я видел на улицах трупы людей, умерших от голода, руины, мечущихся в бреду сыпнотифозных, опустевшие фабрики и заводы. Видел, как на голых местах возникали новые города и фабрики, как обескровленная Россия ценой огромных мук и лишений превращалась в великое государство. Но я не могу забыть тех дней, когда закончилась моя юность и на смену ей пришла зрелость.

Содержание

Анатолий Безуглов,
Юрий Кларов

КОНЕЦ ХИТРОВА РЫНКА 3

Сдано в набор 10.12.86.

Подписано к печати 14.01.87.

A08813

Формат бумаги $84 \times 108^{1/32}$.

Условных печатных листов 4,2.

Печатных листов 2,5.

Тираж 150 000 экз.

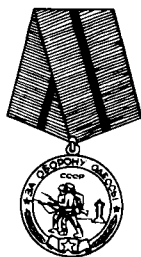
Цена 25 коп.

Заказ 632.

Адрес редакции: 127434, Москва, ул. Ивановская, 24.

Телефоны: 216-86-66, 216-87-66, 211-06-69.

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

ОГОНЬ Воронцовского маяка, вспыхивающий в ночи, сотню с лишним лет сияет путеводной звездой кораблям, идущим в Одессу. Маяк должен светить — таков закон моря. Но однажды он погас. Это было в 1941 году. Одеситы сами разобрали белую башню Воронцовского маяка, чтобы не служил ориентиром вражеским корректировщикам. 73 дня героической обороны рука об руку с моряками, красноармейцами, бойцами истребительных батальонов, летчиками, артиллеристами дрались работники милиции. Милиция города-героя была награждена медалью «За оборону Одессы».

Для сотрудников органов внутренних дел бои начались задолго до того, как враг подошел к стенам города. Приходилось вступать в перестрелку, обезвреживать диверсантов, шпионов, вражеских ракетчиков.

Многие милиционеры выполняли особые задания командования. В июле 1941 года в тыл врага вместе со старшим лейтенантом Красной Армии И. Соколовым был направлен сержант милиции А. Лесков. Отважные патриоты с честью выполнили свою задачу. У станции Дединская они пустили под откос эшелон с военной техникой и авиабомбами. В другом месте подорвали танк, освободили из плена группу красноармейцев. Доставили ценные сведения о противнике.

Отважно несла свою вахту милиция и в городе. Во время одного

из налетов погиб караул военного склада. Оказавшийся рядом милиционный патруль заступил на его охрану. Несмотря на жестокую бомбежку, милиционеры вели прицельный огонь по вражеским самолетам. В этом бою погиб их командир Кушнеренко, но его товарищи оставались на посту до последнего патрона...

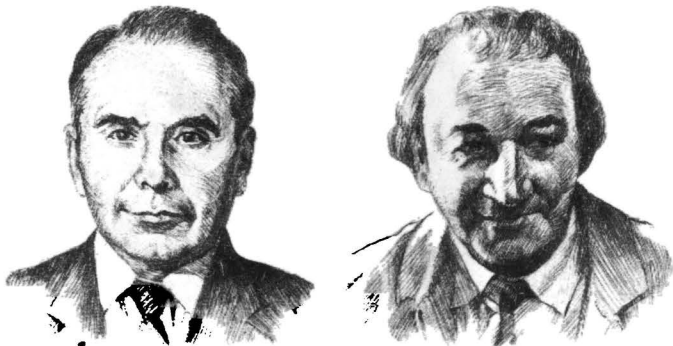
Многие сотрудники одесской милиции покрыли себя неуязвимой славой на фронтах Великой Отечественной войны. Они награждены боевыми орденами и медалями. А Ефиму Пархомчуку, который участвовал в десанте по освобождению Николаева, посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

1941

Биография мужества

ОБ АВТОРАХ

А. А. БЕЗУГЛОВ. Родился в 1928 г. в станице Буденновской Ростовской области. Окончил Московский юридический институт. Работал прокурором. В настоящее время заведует кафедрой ВЮЗИ, доктор юридических наук, профессор. Совместно с Ю. Кларовым им написана трилогия: «Конец Хитрова рынка», «В полосе отчуждения», «Покушение». Автор книг «Инспектор милиции», «Змееловы», «Презумпция невиновности» и др. Лауреат конкурса МВД СССР и Союза писателей СССР. Лауреат премии им. Героя Советского Союза Н. И. Кузнецова. Член Союза писателей СССР. Живет и работает в Москве.

Ю. М. КЛАРОВ. Родился в 1929 г. в Киеве. Окончил Московский юридический институт. Работал в Архангельской коллегии адвокатов. Автор книг «Черный треугольник», «Станция назначения — Харьков», «Допрос в Иркутске» и др. Лауреат конкурса МВД СССР и Союза писателей СССР. Лауреат премии им. Героя Советского Союза Н. И. Кузнецова. Член Союза писателей СССР. Живет и работает в Москве.

**В
СЛЕДУЮЩЕМ
ВЫПУСКЕ**

Александр Парначев

ПОИСКИ ЯГ-МОРТА

Виталий Гладкий

ЗОЛОТАЯ ПАУТИНА

Цена 25 коп.